

ЗВЁЗДЫ ИНТЕЛЕКТУАЛЬНОГО ДЕТЕКТИВА

КРЕЙГ ДЖОНСОН

ХОЛОДНОЕ БЛЮДО

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОСНОВА СЕРИАЛА «ЛОНГМАЙР»

Крейг Джонсон
Холодное блюдо
Серия «Звезды
интеллектуального детектива»
Серия «Уолт Лонгмайр», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963427
Холодное блюдо: [роман] / Крейг Джонсон: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-145837-9

Аннотация

Уолт Лонгмайр уже двадцать пять лет служит шерифом в одном из округов штата Вайоминг. Его мечты о мирной жизни в отставке разбиваются, когда неподалеку от индейской резервации находят труп. Убитого зовут Коди Притчард, и два года назад он и его приятели получили условные сроки за изнасилование школьницы из племени шайеннов. И теперь кто-то открыл на них охоту. Говорят, что месть – это блюдо, которое подают холодным, но мало что может унять ярость человека, вышедшего на тропу войны. И в попытках остановить его шериф вместе со своими помощниками может и сам стать жертвой.

Содержание

Благодарности	6
1	8
2	47
3	81
4	114
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Крейг Джонсон

Холодное блюдо

Craig Johnson

COLD DISH

Copyright © 2012 by Craig Johnson.

By arrangement with the Author.

© Алина Ардисламова, перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Дизайн обложки: Светлана Сапега

* * *

Один из самых популярных детективных циклов в США за последние пятнадцать лет.

Бестселлер New York Times

Как и все великие авторы детективов, Джонсон – настоящий знаток человеческой природы. Уолт Лонгмайр – сильный, но способный ошибаться герой, чей бесшабашный стоицизм лишь еще больше оттеняет те ужасы, которые ему придется увидеть.

Los Angeles Times

Великолепные пейзажи и внушительная фигура главного героя – вот что заставляет снова и снова возвращаться к жестким и выверенным романам Крейга

Джонсона.

The New York Times Book Review

*Посвящается молочной принцессе округа Уэйн и
знатоку Кейбелла...*

Благодарности

Писатель, подобно шерифу, – это воплощение целой группы людей, и без их поддержки оба попали бы в затруднительное положение. Мне посчастливилось жить среди близких друзей и помощников, благодаря которым эта книга появилась на свет. Они знают, о ком я, но по традиции перехвалить хороший ансамбль просто невозможно.

Спасибо шерифу Ларри Киркпатрику за то, что вот уже четверть века он сражается за правое дело, Сэнди Мэйс из Отдела расследования убийств Вайоминга и пицце Гарри, которая не настолько плоха. Спасибо Генри Стоящему Медведю за магию и все остальное, Маркусу Красному Грому за пот, Чарльзу Маленькому Старине за слова, Дороти Колдуэлл Кислинг за поощрение, Донне Даброу за мотивацию и Гейлу Хохману за веру. Спасибо Кэтрин Корт, Кларе Фарраро, Саре Мэнгес и Эли Ботуэлл Манчини, моему свирепому прайду львиц в «Викинг Пенгуин».

И наконец, моей жене и музе Джуди я посвящаю всю мою любовь за то, что она встречает меня с терпением и благодушием каждый день, когда я возвращаюсь из округа Абсарока. Без тебя я бы уже давно опустел.

Месть – это блюдо, которое подается холодным.

Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де Лакло. Опасные

– Боб Барнс сказал, что у БЗР нашли труп. Боб на первой линии.

Может, она и стучала, но я не слышал, потому что наблюдал за гусями. Я часто смотрю осенью на гусей, когда дни становятся короче, а скалистые берега реки Клир-Крик покрываются льдом. В нашем округе офис шерифа находится в старом здании Карнеги. Мой отдел переехал сюда, когда в библиотеку округа Абсарока привезли столько книг, что тем пришлось искать новое помещение. Портрет Энди до сих пор висит у главной лестницы. Предыдущий шериф отдавал честь старому барону-разбойнику¹ каждый раз, как выходил на улицу. У меня большой кабинет со стороны южного залива, справа от которого открывается прямой вид на горы Бигхорн, а слева – на долину у реки Паудер. Именно через эту долину гуси летят на юг, спиной ко мне, и обычно я тоже сижу спиной к окну, но иногда все-таки поворачиваюсь на стуле – последнее время это происходит все чаще.

Я уставился на нее, это один из моих излюбленных при-

---

¹ Баронами-разбойниками называли американских капиталистов XIX века периода «дикого капитализма», олигархов, пути обогащения которых были не всегда полностью законными. В тексте имеется в виду Эндрю Карнеги (1835–1919), крупный промышленник, мультимиллионер и филантроп (здесь и далее примечания редактора).

емов на работе. Руби – высокая, стройная женщина с твердым характером и ясно-голубыми глазами, которые заставляют людей нервничать. Мне нравятся такие черты у секретарей – это помогает отгонять от офиса всякий сброд. Руби прислонилась к дверному проему и перешла на стенографию:

– Боб Барнс, труп, первая линия.

Я перевел взгляд на мигающий красный огонек на столе и отстраненно попытался придумать способ отделаться от этой проблемы.

– Он казался пьяным?

– На моей памяти он ни разу не казался трезвым.

Я положил на грудь папку с документами и фотографиями, которые изучал, принял звонок и включил громкую связь.

– Привет, Боб. В чем дело?

– Привет, Уолт. Ты в эту хрень просто не поверишь... – Не то чтобы он казался пьяным, но Боб – профессионал, так что сразу и не поймешь. На какое-то время он замолчал. – Я не шучу, у нас тут жмурик.

– Всего один? – подмигнул я Руби.

– Да я же серьезно. Билли перегонял овец Тома Чатэма по БЗР на зимнее пастбище, и эти паршивцы столпились вокруг чего-то... Там жмурик.

– Ты его не видел?

– Нет. Его нашел Билли.

– Передай ему трубку.

Послышалось мимолетное шуршание, а потом прозвучала молодая версия голоса Боба.

– Ал-л-ло, шер-р-риф?

Невнятная речь. Супер.

– Билли, ты сказал, что видел труп?

– Да, видел.

– И как он выглядел?

Тишина.

– Как труп.

Мне сразу захотелось побиться головой о стол.

– Это кто-то знакомый?

– А, да я не подходил близко.

Вместо этого я просто натянул шляпу на лоб и вздохнул.

– И насколько близко ты подходил?

– Метров на двести. Через долину течет ручей, и там крутой склон. У него овцы и собрались вокруг чего-то. Я не хотел ехать туда, потому что недавно помыл машину.

Я смотрел на красный огонек до тех пор, пока не понял, что это был конец фразы.

– Может, это была мертвая овца или ягненок? – Вряд ли койот, раз другие овцы не побоялись подойти. – Где вы находитесь?

– Где-то в километре от старого моста Хадсон на 137-й.

– Ладно, оставайтесь там. Кто-нибудь приедет через полчаса.

– Есть, сэр... Шер-р-риф? – Я подождал. – Папа просит привезти пиво, наше почти закончилось.

– Еще бы. – Я нажал кнопку и взглянул на Руби. – Где Вик?

– Ну, она точно не сидит в кабинете и не смотрит на старые рапорты.

– Пожалуйста, скажи, где она.

На этот раз вздохнула Руби, а потом, так и не взглянув мне в глаза, подошла ближе, подняла потертую папку с моей груди и поставила обратно в шкаф с картотекой – как и всегда, когда заставляла меня за чтением этого рапорта.

– Тебе не кажется, что надо сегодня выйти из кабинета? – Руби не отвела взгляд от окна.

Я задумался.

– Я не потащусь к 137-й, чтобы посмотреть на мертвую овцу.

– Вик на улице, регулирует движение.

– У нас всего одна дорога. Зачем ей это?

– Вешает огоньки на Рождество.

– Еще даже не День благодарения.

– Это решение городского совета.

Я отправил ее вчера на собрание и благополучно забыл об этом. У меня два выбора: поехать на 137-ю, выпить пива и поглазеть на мертвую овцу с пьяным Бобом Барнсом и его сыном-недоумком или позволить Вик высказать все, что она обо мне думает.

– В холодильнике есть пиво?

– Нет.

Я поправил шляпу и попросил Руби приказать всем, кто будет обращаться по поводу трупов, перезвонить на следующей неделе, потому что на пятницу больше мест нет. Она привлекла мое внимание упоминанием моей дочери, единственном лучике солнца в моей жизни.

– Передавай Кади привет и попроси, чтобы она мне позвонила.

Как подозрительно.

– Зачем?

Руби просто махнула рукой. Мои отточенные навыки детектива сочли это странным, но у меня не было ни времени, ни энергии разбираться.

Я запрыгнул в Серебряную Пулю² и покатил в магазин Дюрана за упаковкой пива из шести бутылок. Официальные лица не должны полностью потакать вредным привычкам Боба Барнса, поэтому я открыл одну и сделал глоток. Ах, горная свежесть. Мне придется проехать мимо Вик и выслушать, насколько сильно она на меня злится, и вот я вырулил на главную дорогу, встроился в ряд из трех машин и уставился на вытянутую ладонь заместителя шерифа Виктории Мориетти.

---

² Судя по всему, Лонгмайр ездит на машине Plymouth GTX Silver Bullet, знаменитом американском автомобиле, вид которого стал одним из определяющих для автопрома США.

Вик родилась в большой семье профессиональных патрульных из Южной Филадельфии. Ее отец был копом, ее дяди были копами, ее братья были копами. Проблема только в том, что ее муж не был копом. Он был полевым инженером в корпорации «Консолидейтед Коул», и его перевели в Вайоминг, чтобы он работал на шахте примерно на полпути отсюда до границы с Монтаной. Когда он согласился на новую должность чуть меньше двух лет назад, Вик все бросила и уехала с ним. Около двух недель она сидела дома и строила из себя домохозяйку, а потом приехала в офис, чтобы подать заявление.

Вик не была похожа на полицейского, по крайней мере, на здешних – точно. Я решил, что она одна из тех ребят-шек, что получили гранты от Фонда Кроссроудс и скачут по окружным дорогам в кроссовках за 150 баксов и бейсболках «Янки Нью-Йорка». Дорожный патруль забрал у меня одного из постоянных помощников, Ленни Роуэлла. Я мог бы вернуть Терка из Паудера, но хуже этой идеи было только бриться тупым лезвием. Дело не в том, что Терк плохой помощник; просто вся эта ковбойская чушь меня выматывает, как и его подростковый нрав. Никто другой не просился на эту работу, поэтому я и позволил Вик заполнить заявление.

Я читал «Дюран Курант», пока она сидела в приемной и полчаса царапала что-то на этой чертовой бумажке. Рука с ручкой начала дрожать, и под конец лицо Вик стало веселого цвета асфальта. Она бросила листок на стол Руби, прошипел-

ла «Ну на хрен» и ушла. Кому мы только не звонили, чтобы получить рекомендации – от следователей по баллистике до начальника полиции Филадельфии. С такими успехами пришлось считаться: одна из лучших выпускниц академии, степень бакалавра в области правоохранительных органов в университете Темпл, отсидела курс в магистратуре по баллистике, две благодарности и четыре года службы. Она быстро продвигалась по карьерной лестнице и в следующем году уже стала бы детективом. Я бы тоже психанул.

Я приехал по адресу, который оставила Вик, – к маленькому домику на колесах рядом с пересечением шоссе, вокруг которого не было ничего кроме грязи и голых кустов полыни. У домика стояла «субару» с пенсильванским номерным знаком и наклейкой флоридской футбольной команды, так что ошибки быть не могло. Когда я поднимался по ступенькам, Вик уже открыла дверь и смотрела на меня через сетку.

– Что?

Я был женат четверть века, а еще у меня есть дочь, так что я знаю, как вести себя в таких ситуациях: не отходить от сути, говорить только по фактам. Я скрестил руки, прислонился к перилам и слушал, как они скрипят, пока металлические винты силились вырваться из обшивки.

– Тебе нужна эта работа?

– Нет.

Вик смотрела сквозь меня в сторону шоссе. На ней не было обуви, и пальцы ее ног словно кошачьи когти цеплялись

за старый ковер, чтобы Вик не растворилась в эфире. Она была немного ниже и тоньше среднего, с оливковой кожей и короткими черными волосами, которые будто встали дыбом от унижения. Вик явно плакала, ее глаза были цвета потертого золота, и мне так хотелось открыть сетчатую дверь и обнять ее. В последнее время на меня тоже навалилась куча проблем, так что мы оба могли бы просто постоять и вместе поплакать.

Я опустил глаза на свои коричневые ботинки и наблюдал, как на крыльце появляются полосы грязи.

– Сегодня хорошая погода. – Она не ответила. – А моя работа тебе нужна?

Вик рассмеялась.

– Возможно.

Мы оба улыбнулись.

– Она будет твоей где-то через четыре года, но сейчас мне нужен заместитель. – Вик снова перевела взгляд на шоссе. – Причем такой, который не убежит в Питтсбург через две недели.

Это сразу же привлекло ее внимание.

– В Филадельфию.

– Да пофиг. – После этого потемневшее золото одарило меня всем вниманием, с которым я едва мог справиться.

– А мне придется носить такую же дурацкую шляпу, как у тебя?

Я нарочито поднял взгляд на края шляпы, а потом снова

опустил.

– Только если захочешь.

Вик посмотрела мне за спину и кивнула в сторону Пули.

– А мне дадут такой же Бэтмобиль?

– Еще бы.

С тех пор я врал еще не раз.

Я сделал большой глоток, допил первую бутылку и засунул ее обратно в упаковку. Желваки Вик заиграли, как бицепсы. Ей пришлось постучать по моему окну перед тем, как я его опустил.

– Какие-то проблемы, патрульный?

Она наигранно опустила взгляд на часы.

– Сейчас 16:37, куда, черт возьми, ты собрался?

Я откинулся на широкую спинку сиденья.

– Черт меня не взял, но ты близка. Я еду домой. – Вик просто стояла и ждала. У нее это отлично получалось – спрашивать и просто стоять и ждать, пока ей ответят. – Ну ладно, позвонил Боб Барнс, говорит, они нашли труп между участком Джима Келлера и Бюро по управлению земельными ресурсами.

Она откинула голову назад и оскалилась.

– Труп они нашли. Тогда я хренов камикадзе.

– Ага, похоже, это тот самый овцецид, которого мы все боялись.

День подходил к концу, и бутылка пива помогла поднять мне настроение. Небо было все еще идеально голубым, но

с северо-запада шел целый ряд облаков, который только начал заслонять горы. Ближайшие облака были белыми и пушистыми, но сзади виднелись более темные, от которых на большой высоте точно появится рассеянный снег.

– Выглядишь отстойно.

Я искоса на нее посмотрел.

– Хочешь сама поехать?

– Тебе же по пути.

– Нет, еще дальше, на 137-ю.

– Все равно тебе ближе, тем более, раз уж ты ушел пораньше...

Ветер становился все сильнее. А разговор все затягивался.

– Ну, раз ты не хочешь...

Вик снова на меня зыркнула.

– Ты весь день протирали штаны в кабинете.

– Мне нехорошо, кажется, у меня грипп или типа того.

– Может, иногда надо выходить и заниматься? Сколько ты уже вешишь? Сто двадцать?

– Какая ты злая. – Она продолжала на меня смотреть. – Сто тринадцать.

Звучало намного лучше, чем сто пятнадцать.

Вик сосредоточенно уставилась на мое левое плечо, видимо, обдумывая планы на вечер.

– Глен приедет домой поздно. – Она взглянула на себя в зеркало заднего вида и сразу же отвернулась. – Где они?

– 137-я, где-то в километре от старого моста Хадсон, –

кажется, разговор налаживался. – В машине Билли.

Вик уже собиралась уходить, но я добавил:

– Они просили захватить с собой пиво.

Она повернулась и постучала по моему пассажирскому окну.

– Если бы я повезла ему пиво, то захватила бы вашу вскрытую упаковку, мистер. Вообще-то у нас в штате действует закон об открытой таре.

Я наблюдал, как от ее размашистой походки от бедра отскакивал пистолет шестнадцатого калибра.

– У меня почти всегда с собой открытый контейнер, независимо от моего состояния.

Она улыбалась, когда захлопывала дверь своей пятилетней патрульной машины. Приятно, когда ты можешь осчастливить коллегу. Я направил свою огромную машину к западной части города, но Вик обогнала с сиреной и мигалками. Она показала мне средний палец, когда проезжала мимо.

Я не мог не улыбнуться. Сегодня пятница, у меня с собой пять бутылок пива, и вечером мне позвонит дочь. Я проехал мимо долины Волф, не обращая внимание на незаконно припаркованные у дороги машины с номерными знаками других штатов. Под конец охотничьего сезона эта сторона равнин превращается в Диснейленд для всех мальчиков с большими игрушками. Но я просто наблюдал, как облака медленно закрывали горы Бигхорн. На верхушках лежал первый снег, и заходящее солнце окрашивало его в лиловый вместо ледя-

ного голубого. Я прожил здесь всю жизнь, не считая учебы в Калифорнии и службы во флоте во Вьетнаме. Во время отъезда я постоянно думал об этих горах и поклялся, что буду смотреть на них каждый день, когда вернусь. По большей части так и происходило.

К тому времени, как я выехал на перекресток, дорогу уже слегка припорошило снегом, он кружился вокруг полыни и пастбища. Когда я остановился у почтового ящика, тени уже были длинными. Там лежало только объявление о распродаже у «Доктора Леонарда», и меня испугало то, что я этим заинтересовался. Я подъехал к дому, минуя оросительную канаву.

Марта выросла на небольшом семейном ранчо недалеко от Паудера и ненавидела жить в городе. Поэтому три года назад мы купили небольшой участок Фонда, а также кучу бревен, которые называют набором, пробурили колодец и установили септик. Мы продали дом в городе, потому что Марта настолько не хотела там жить, что переехала в трейлер, который я одолжил у Генри Стоящего Медведя, владельца «Рыжего пони» и по совместительству моего самого старого друга. К осени мы закончили стройку и подключили отопление. А потом Марта умерла.

Я припарковал машину на гравийной дорожке, достал пиво и прошел по участку грязи, ведущему к двери. Все хотел посадить траву, но снег мешал. Я толкнул дверь и переступил со шлакоблока на фанеру. Здесь еще есть над чем пора-

ботать. В доме были стены, но в основном просто каркасы. Если включить свет – висящие голые лампочки, – то освещение лилось сквозь деревянные прутья и рисовало на полу узоры. Электричество еще не провели, поэтому у меня были восемь розеток, подключенных к генератору, и работало все от него. Вода была, но вместо двери в ванной висела занавеска для душа – соответственно, гости у меня появлялись нечасто. Еще в доме стояло пианино моей свекрови, «Генри Ф. Миллер» довоенных времен, на котором я иногда мог что-то забачать, но со смерти Марты я к нему не притрагивался. Все книги были сложены в коробках из-под пива у задней стены, и в позапрошлом Рождество мы с Кади в порыве праздничного оптимизма купили торшер, кресло и цветной телевизор «Сони Тринитрон». Торшер и кресло служили исправно, а вот телевизор – нет. Без тарелки можно было поймать лишь 12-й канал, по которому показывают только черно-белые точки под успокаивающее шипение. Я смотрел его каждый день.

Я опустил телефон на картонную коробку рядом с креслом, чтобы не пришлось вставать, когда он зазвонит. С другой стороны находился переносной холодильник для пива. Затем бросил пальто и шляпу на коробки, включил торшер и сел в кресло с «Доктором Леонардом» на коленях. Я открыл каталог на третьей странице и раздумывал над покупкой чехла из искусственной овчины для всех стандартных кресел. Я взглянул на сложенные бревенчатые стены

и попытался выбрать между цветом слоновой кости и каштановым. На самом деле все это не важно. За четыре года мне так и не удалось по-настоящему продвинуться в области декора интерьера. Возможно, мне судьбой предназначено обходиться обычным полиэфировым акриловым флисом «Доктора Леонарда». Эта мысль была достаточно тревожной, чтобы открыть четвертую бутылку пива, которая была чуть теплее, чем первые три. Я отвинтил крышку, зажав ее между большим и указательным пальцами, и бросил в ведро из гипсокартона – единственную мусорку в этом доме. Я хотел было позвонить Доку по номеру 1-800, но боялся помешать звонку Кади. Она пыталась уговорить меня установить перенаправление вызовов, но я решил, что этого добра мне хватает и на работе, незачем платить за такую же привилегию дома. Я нажал на пульт и переключился с основного четвертого на двенадцатый канал: призрачное шоу. Моя любимая программа – черные капли разного размера передвигались сквозь метель, не производя при этом слишком много шума. Самое оно, чтобы хорошенько подумать.

Я вернулся по проторенной мысленной дорожке к отчету, который лежал у меня на груди, когда Руби вошла в кабинет. Мне даже не нужна была сама папка. Я помнил в ней каждый клочок бумаги. Там есть черно-белая обрезанная фотография – такая же, как и многие другие. С их помощью мы наделяем человека определенным клеймом страдания. «Место для фотографии». Пустой белый фон, нарушенный толь-

ко тенью электрошнура, потому в нашем округе профессиональных фотографий не делали. В другой ситуации такие портреты могли бы смотреться не так уныло.

Мелисса была северной шайеннкой. На фотографии у нее темная копна густых волос, завивающихся к плечам, но внизу они слегка потускнели, на шее виднелись несколько синяков, а на скуле – ушиб. Я прямо слышу, как появлялись эти травмы. Натренированному глазу ее черты могут показаться слишком мелкими, как лепестки еще не раскрытого бутона. Миндалевидные глаза непроницаемо смотрят в камеру. Я все время вспоминаю эти глаза и эпикантус во внутренних уголках. Никаких слез. Она могла бы стать азиатской моделью в одном из этих до смешного надушенных гламурных журналов, но вместо этого была бедной девочкой, которую притащили в подвал и изнасиловали четверо подростков, наплевавших на то, что у нее фетальный алкогольный синдром.

Три года назад. После бесконечных разбирательств, переразбирательств, подачи и передачи заявлений дело поступило в суд в мае. Я запомнил, потому что начала цвести полынь, и этот запах раздирал мне слизистую носа. Девочка с фотографии ерзала и суежилась на стуле, вздыхала, закрывала глаза руками и пропускала волосы через пальцы. Она скрещивала ноги, садилась на разные стороны и опускала голову лицом вниз на трибуну свидетеля.

– Я запуталась... – это все, что она говорила. – Я запуталась...

В папке есть и другие фотографии, цветные, которые я вырезал из школьного ежегодника Дюран. Я оставил описания, прикрепленные к фотографиям, в качестве глупой шутки: Коди Притчард, футболист, бегун; Джейкоб и Джордж Эсперу, близнецы как по крови, так и по футболу, члены охотничьего клуба и будущие фермеры Америки; Брайан Келлер, футболист, гольфист, член студенческого совета, почетный ученик школы.

Они вставили в девушку метлу, бутылку и бейсбольную биту.

Меня назначили следователем по этому делу, и я знал Мэри Реблинг еще с детства. Мэри – учительница английского в средней школе Дюран, а также тренер женской баскетбольной команды. Она сказала, что спросила Мелиссу Маленькую Птичку об отметинах на лице и руках, но не смогла получить внятного ответа. Позже Мелисса пожаловалась на боли в животе и кровь в моче. Когда Мэри потребовала рассказать, что произошло, Мелисса ответила, что поклялась никому не рассказывать. Она боялась, что мальчиков может это обидеть.

Руби говорит, что со дня суда я достаю эту папку раз в неделю. Она считает, что это ненормально.

По просьбе Мэри Реблинг я пришел в школу во время тренировки по баскетболу. Пока девушки бегали, я снял значок, вытащил наручники и пистолет и спрятал их в свою шляпу за столом. Я сидел в кабинете и играл с карандашами, по-

ка не заметил двух девушек в дверях. В Мэри было сто восемьдесят два сантиметра, и она прямо сказала мне, что пошла со мной на выпускной только потому, что я был одним из немногих мальчиков в классе выше ее. Мэри возвышалась над Маленькой Птичкой и не давала ей отступить, положив руки на плечи Мелиссы. На молодой индианке блестел юношеский пот, и, если бы не синяки на лице и плечах и признаки фетального алкогольного синдрома, она смотрелась бы просто идеально. Я поднял один из карандашей и сказал:

– Не понимаю, как им удастся засовывать грифель внутрь.

К моему удивлению, ее лицо помрачнело, когда она задумалась над этим вопросом.

– Наверное, есть такие деревья, которые уже растут с грифелем.

Ее лицо просияло от облегчения, что она смогла разгадать загадку.

– Вы шериф. – Ее голос был таким детским и концентрировал в себе все доверие мира. Меня словно отбросило на двадцать пять лет назад, когда Кади по субботам смотрела «Полицейские – наши друзья» в «Улице Сезам».

– Да, он самый. – Она обвела меня взглядом от ботинок с закругленными носками до спутанных серебристых волос, которые точно торчали во все стороны.

– Синие джинсы.

Мы были третьим округом в Вайоминге, где синие джин-

сы считались за униформу, но у нас правоохранительные органы обычно сидели в транспорте, так что городское население редко видело нас ниже пояса.

– Да, в ширину такие же, как и в длину.

Мэри попыталась подавить смех, и Мелисса посмотрела на нее, а потом снова на меня. Такие проблески чистой любви увидишь нечасто, ведь умные люди хранят ее в себе на черный день. Я начал вставать, но потом передумал.

– Мелисса, твой дядя – Генри Стоящий Медведь? – я решил, что лучше начать с какой-то личной связи.

– Дядя Медведь. – Улыбка на ее лице была просто огромной. Генри был одним из самых недооцененных пророков и лично заинтересованных людей, которых я когда-либо знал.

Я жестом попросил ее сесть напротив и закатал левый рукав рубашки, чтобы показать едва заметные перекрестные шрамы на левой руке.

– Однажды я играл в бильярд с твоим дядей Медведем в Джимтауне и поранился...

Девушка округлила глаза, когда села на стул напротив меня, и инстинктивно потянулась, чтобы дотронуться указательным пальцем до мраморной плоти моего предплечья. Ее пальцы были прохладными, а ладони до странности лишены всяких линий, будто ее судьба еще не была определена. Я медленно потянулся через стол, скользнул ладонью под подбородок девушки и приподнял, чтобы подчеркнуть сильный ушиб на линии скулы.

– У тебя тоже есть ранения. – Она коротко кивнула, тем самым освободив лицо, и опустила глаза на рабочий стол, где лежало письмо о президентской награде за физическую подготовку. – Как это произошло?

Маленькая Птичка прикрыла ушибленную челюсть, быстро повернувшись в сторону, а потом бросила косой взгляд на Мэри.

– Мелисса, я не хочу никому причинять вред, но еще хочу, чтобы никто не причинял вред тебе. – Она кивнула и начала мягко раскачиваться взад-вперед, крепко зажав руки между ногами. – Тебя кто-то обидел?

Девушка не отводила взгляд от стеклянной поверхности стола Мэри.

– Нет.

Я изучал отражение Мелиссы и пытался представить ее такой, какой она должна была быть. Мелисса относилась к сильным, ясноглазым шайеннам из северной резервации, а предки ее матери были кроу. Я силился вообразить, как выглядела бы Мелисса, если бы мать не отняла у нее искру любопытства из глаз, когда употребляла слишком много коктейлей из дезинфицирующего «Лизола» и дешевого спирта во время беременности. Мелисса должна была быть прекрасной индианкой, стоящей на холмистых, поросших травой холмах Литтл-Бигхорна, протянув руки к свободному, безопасному будущему. Когда я поднял глаза, то подумал, что девушка прочитала мои мысли, увидела ту же картину.

Она перестала раскачиваться и смотрела на бриллиантовые застёжки моей рубашки.

– Было романтично, – спокойно сказала Мелисса, будто эмоции сделают ее заявление менее важным. Она снова перевела глаза на стол.

Я откинулся на спинку стула, позволив кончикам пальцев оставаться на краю срезанного стекла.

– Что было романтичным, Мелисса?

– Прогулка, – ответила она столу.

Пиво кончилось, Кади так и не позвонила, и я отказался от чехла «Доктора Леонарда», который мог бы спасти будущий продуманный интерьер дома. Мне нужны еще пиво и какая-нибудь компания, поэтому я с силой надел шляпу, плотно застегнул куртку из овчины и шагнул в горизонтальные снежные вихри, вылетающие из-за угла дома. Самое время проехать километр по мощеной дороге до «Рыжего пони». Я немного постоял на досках, прислушиваясь к чему-то выше ветра – всего в десяти метрах от земли хлопали крылья, и гуси предупреждающе кричали друг другу, пока летели на юг. Может, они отправлялись слишком поздно. И, может, не они одни.

Вдалеке виднелись очертания скачущего неоновом пони в темноте и нескольких грузовиков, припаркованных на гравийной стоянке. Подъехав ближе, я заметил, что в самом баре не горит свет, и меня накрыла паника при мысли о том, что за пивом придется ехать обратно в город. Я припарко-

вался и разглядел в затемненном окне движение нескольких фигур. Пробки выбить не могло, ведь красный неоновый пони все еще скакал на моем капоте и лобовом стекле. Я пробивался сквозь ветер, чтобы дойти до стеклянной двери бара, и только чудом не столкнулся с владельцем и директором «Рыжего пони» – Генри Стоящим Медведем.

Мы с Генри знали друг друга с начальной школы, когда подрались у питьевого фонтана, и он расшатал два моих зуба хуком слева, которому научился на Блэк-Хиллс. Мы постоянно соревновались в силе с самого детства и до старшей школы, а потом я закончил университет Калифорнии, из-за чего снова стал годен, попал в армию и уехал во Вьетнам. Генри незаинтересованно попытался оценить образовательную систему белых в Беркли и успел понять, что она ему не нужна еще до того, как КОВПВ наградило его оплаченным четырехлетним отпуском в Анкхе. Именно там Генри признал, что окончательно понял суть белых – они способны убивать как можно больше людей самыми эффективными способами.

По возвращении в Штаты Генри пытался поступить в колледж, но быстро понял, что больше не может слушать лекции. В семидесятых он вернулся к политике и следующие десять лет был в сердце каждого движения коренных американцев. Но придя к выводу, что революция – это дело молодых людей, Генри вернулся в округ Абсарака на похороны бабушки, которая его вырастила, и раздобыл где-то

деньги, чтобы вместе с Фондом превратить старую станцию Синклер, единственное общественное здание Кроссроудс, в своеобразный бар, который потом назвал «Рыжий пони». Генри просто обожал Стейнбека. Фонду было выгодно открыть бар – хотя бы для того, чтобы уберечь конференц-залы с восточными коврами от заляпанных дерьмом резиновых сапог местных жителей.

Мы посмотрели друг на друга, и на его лице отразилась тень самоуничтожения, которая обычно таила за собой какой-то скрытый смысл.

– Пива, Тонто? – спросил он, протягивая мне открытую бутылку и проходя мимо с чем-то вроде монтировки в другой руке. Я заглянул через бильярдную в сам бар и разглядел около восьми человек на табуретах, очерченных флуоресцентным светом пивных холодильников. Это много. Я сделал глоток и последовал за ним в дальний конец комнаты, где Генри, видимо, собирался уродовать стену. Прислонившись к ней, Генри просунул плоский конец монтировки за деревянную панель, из которой состояла внутренняя отделка бара.

– Ты опять забыл оплатить счета? – он на мгновение замер, чтобы бросить на меня презрительный взгляд, а потом навалился всеми ста килограммами на монтировку, чтобы вырвать панель вместе с гвоздями, и вскоре та с грохотом свалилась у наших ног. Я наклонился, чтобы осмотреть кольцевые отверстия в штукатурке, которые раньше прятались за

панелью. Лицо Генри оставалось бесстрастным, как и всегда.

– Черт. – Он без слов просунул монтировку под следующую панель и сорвал ее на пол. То же самое. – Черт.

Я решил, что самое время спросить.

– У тебя ремонт, или мы ищем что-то определенное?

Генри махнул на стену рукой одновременно спокойно и угрожающе.

– Блок предохранителей.

– Ты заделал его панелью?

Очередной взгляд исподлобья.

– У меня хотя бы есть стены.

Генри был одним из избранных, кому довелось побывать у меня дома. С его заявлением сложно было спорить.

– Я тут подумал купить чехол для кресла из искусственной овчины.

За это я получил долгий взгляд.

– Ты пьян?

Я обдумал вопрос.

– Нет, но я над этим работаю. – Он хрипло хохотнул и отодрал новую панель; у наших ног уже образовывалась кучка.

– Черт. – Генри сунул монтировку под следующую панель. – Кади звонила?

– Нет, чертовка.

– Хм... Она звонила мне. – Он снял панель, за которой скрывался старинный блок предохранителей. – Есть.

– Что? – повернулся я к Генри.

Он постучал по маленькой металлической дверце и глянул на меня.

– Блок предохранителей.

– Кади тебе звонила? – Его глаза были темными и ясными, и дальний от меня частично скрывался за большим носом, который был сломан как минимум трижды, и один раз мной.

– Да.

Я попытался сдержаться и казаться небрежным, но Генри застал меня врасплох и прекрасно это понимал.

– Когда она звонила?

– Ну, не так давно... – У него небрежность получалась гораздо лучше.

Он указательным пальцем открыл маленькую металлическую коробочку с четырьмя предохранителями, которые выглядели так, будто застали Эдисона еще ребенком. Металл сзади проржавел, став жертвой давней протечки крыши. Провода вокруг прогнили, раскрывая потрепанные черно-зеленые завитки также проржавевшего кабеля. Четыре предохранителя были покрыты толстым слоем пыли и окружены гнездами со странным налетом из белых и зеленых кристаллов. Было похоже на две пары сердитых глаз в стене, которые только и ждали, как бы пустить 220 вольт во все, что к ним приблизится.

Генри положил руку на неровную поверхность штукатурки в том месте, где разобрал большую часть стены, и навалился на нее всем весом. Другой рукой он откинул через пле-

что волосы цвета воронова крыла, слегка тронутые серебром, которые доставали до поясницы.

– Один из четырех, шансы неплохие.

– Она не говорила, что позвонит мне?

– Нет. И вообще... – Он ощетинился, изображая негодование, и показал на блок. – У меня тут серьезное дело.

Я попытался помочь.

– Там есть маленькие щитки, по ним понятно, что выбило.

Генри наклонился, заглядывая в блок.

– Не то чтобы я не доверял твоим ремонтным навыкам, хоть я и знаю, что у тебя их нет, – он аккуратно стер пыль с четырех предохранителей, – но они все черные.

– А запасных у тебя нет?

– Конечно же нет. – Он достал пачку пенни, спрятанную в нагрудном кармане рубашки. – Зато есть это.

Генри улыбнулся, как койот – эта самая улыбка могла приструнить задиристых рядовых, вызвать холодок по спине у офицеров во Вьетнаме, а обычно умных женщин – заставляла сесть поближе, за бар. Ему дашь палец – откусит руку.

Я с большим опасением наблюдал, как его пальцы начали выкручивать один из ржавых предохранителей из проржавевшего зеленого отверстия. Мышцы на его предплечье извивались, как змеи под обожженной солнцем землей. Насколько мне известно, Генри никогда в жизни не приходилось таскать тяжести, но в нем все равно чувствовался дух воина, и его выдавали лишь ненатренированные бицепсы.

Когда его усилия возымели плоды, а стеклянная ручка повернулась, остальная часть здания погрузилась во тьму.

– Черт.

Из бара донесся хохот, пока мы пытались разглядеть друг друга во тьме.

– Видимо, это был не тот.

Генри вздохнул, вернул предохранитель на место, и свет от холодильников снова озарил дальнюю комнату. Посетители вяло захлопали.

– Она ничего не говорила о звонке. – Он все еще смотрел на блок; теперь его шансы значительно выросли.

– А о чем говорила?

– Да ни о чем особенном. Мы обсуждали тебя.

– Что именно?

На протяжении всего разговора Генри не прекращал изучать блок предохранителей с полуулыбкой, которая свидетельствовала о том, что он не воспринимал серьезно ни электрический кризис, ни мою семейную жизнь. У Кади и Генри были симбиотические, дружеские отношения, благодаря которым она начала вести квази-богемный образ жизни. Кади профессионально играла в бильярд и дартс, изучала историю коренных американцев в Беркли, несостоявшейся альма матер Генри, потом поступила на юридический факультет Вашингтонского университета и теперь работала адвокатом в Филадельфии. Большую часть времени вместе они перешепывались, показывали на меня пальцем и хихикали. Меня

тревожила сама мысль о том, что они сговорились на расстоянии, но раз в этом замешана еще и Руби, что-то точно не так.

Выбрав предохранитель по диагонали от первого, Генри протянул руку и смело повернул. Красные неоновые лошадки, радостно скачущие по припаркованным снаружи машинам, исчезли под одобрительные возгласы из обители арахиса. Генри не отреагировал, и я не понял, заметил ли он.

– Там пони...

– Черт.

Он снова ввинтил предохранитель. Неоновый скакун замер, а затем запрыгал по капоту Пули. Шквалы ветра стихали, плохая погода решила отправиться дальше по тропе Бозмен к железнодорожным путям. В баре царил какой-то необъяснимый уют благодаря приглушенному свету холодильников, просачивающемуся сквозь щели в перегородке. Отголоски бесед служили фоном для пейзажа, который теперь покрылся снежинками.

– Так что вы обсуждали?

Генри сердито постучал указательным пальцем по одному из предохранителей.

– Она переживает, что ты до сих пор в депрессии.

– Из-за чего?

Он посмотрел на меня, но потом передумал и снова повернулся к блоку. Я оттолкнулся от стены и аккуратно зашагал через панели, разбросанные по полу.

– Мне нужно еще пиво.

– Ты знаешь, где оно. – Я уже начал поворачиваться, но Генри задержал меня, снова постучав по одному из оставшихся двух предохранителей. – Ты ведь прямо убиваешься в неизвестности, да?

Я скорчил гримасу, поставил пустую бутылку на край бильярдного стола и нагнулся, чтобы поднять одну панель. Затем расставил широко ноги и схватился двумя руками за деревяшку на плече. После такой выходки на меня недоверчиво уставились.

– Ты мне врежешь, если меня тряхнет током?

Я пожал плечами.

– Для этого и нужны друзья. К тому же, я хочу узнать, есть ли в этом округе человек, которому не везет еще больше, чем мне.

– Пока что нет.

Генри открутил предпоследний предохранитель, и, к нашему удивлению, ничего не произошло. Мы оба огляделись в поисках пропавшего света и прислушались, не затихли ли холодильники, обогреватели или вентиляторы. Генри задумчиво уставился в потолок.

– Ну, мне хотя бы не пришлось бить тебя панелью.

– Да, но теперь нужно провернуть трюк с пенни. – Он вытащил монетку из бумажной упаковки и поднял ее так, чтобы я увидел.

– Где ты нахватался этой фигни, Кемосабе?

– Ты ни разу так не делал?

Я осторожно опустил панель с плеча, чтобы не задеть гвозди.

– Нет. – Теперь наступила теоретическая часть проекта, поэтому Генри подошел ко мне и тоже оперся на бильярдный стол. – А ты?

Он скрестил руки на груди и задумался о платежном средстве с самым низким показателем.

– Нет, но я слышал, что так можно.

– От кого?

– От стариков вроде тебя.

– Я даже не на год старше тебя.

Генри пожал плечами и прочел надпись:

– «На Бога уповаем». Я хотел использовать старые добрые пять центов, но ток проводится через медь, это я точно знаю.

Я со стуком кинул панель на пол.

– Я знаю ровно столько, чтобы охренеть как этого бояться. Что, обязательно заниматься этим сегодня? – Он скорчил рожицу. – В смысле, холодильники работают, обогреватели – тоже, даже лошадь горит...

– Пони.

– Да пофиг.

Генри вздохнул и заглянул в бар.

– Только если кто-то захочет сыграть в бильярд.

– Твоя жизнь стоит игры в бильярд? – пихнул его плечом я.

Он на мгновение задумался.

– Видимо, так и есть, – Генри положил пенни на выставленный ноготь большого пальца. – Орел – рискнем, решка – идем к остальным в темноту.

Я кивнул, и он подбросил монетку в мою сторону – я не поймал, поэтому она свалилась в кучу с панелями. Мы уставились друг на друга.

– Я не знал, что надо было ловить.

Он вытащил вторую монетку из пачки.

– Не переживай, их тут еще сорок девять штук. Уж одну ты точно поймаешь.

Генри подкинул следующую монетку, и я выхватил ее в воздухе и положил на тыльную сторону ладони. Вторая ладонь какое-то время продолжала накрывать пенни, пока я накалял напряжение.

– Убиваешься в неизвестности?

– Не совсем, потом мы будем подкидывать монетку, чтобы решить, кто будет засовывать пенни в блок. – Я раскрыл монетку и поблагодарил Бога, на которого мы уповаем, что там была решка.

– Идем, куплю тебе колу.

Я неторопливо последовал за Генри, пока тот шел к остальным у бара. Стены были увешаны работами разных художников, которым Фонд давал место жительства. Картины были очень разными, но каждая напоминала мне о человеке, занимавшем соседний стул, а с художниками всегда интерес-

но разговаривать, если ты готов обсуждать их искусство.

В углу бара собралась небольшая группа, лишь слегка оза-
реваемая единственным источником тусклого света. Пара бро-
дячих охотников, все еще облаченные в камуфляж и оран-
жевые жилеты; видимо, олени в этом году носили синее. Я
узнал Бака Морриса, одного из местных ковбоев, который
отвечал за крупный рогатый скот Фонда. Его было легко за-
метить из-за шляпы – потертый от непогоды «Резистол», ко-
торый какой-то нефтяной чиновник предложил купить за
250\$. Все говорили, что тогда Бак опоздал на пароход. Мо-
лодой человек рядом с Баком был одет в потрепанную джин-
совую куртку, а черты лица сразу же выдавали в нем шайен-
на. Видимо, он из другого округа, потому что я его не знал.

Следующим был Роджер Рассел, электрик из Паудера в
южной части округа, который приехал сюда, чтобы расши-
рить бизнес. Терк сказал, что Роджер был паршивой овцой в
семье и расклеил листовки по всей округе: «Радуйся, Паудер,
мы решим все твои проблемы». Я задумался, почему мы с
Генри ставили на кон свои жизни, когда в соседней комнате
находился эксперт.

Напротив него сидела та, что, наверное, и привела сюда
Роджера. Вайоминг был у Вонни Хайес в крови; ее дед вла-
дел двенадцатью тысячами гектаров земли. Мы с Вонни об-
щались в детстве, но потом ее отец совершил самоубийство,
Вонни отправили в интернат, а затем искусство перетянуло
ее на восток на несколько лет, где она стала профессиональ-

ным скульптором. Уже позднее Вонни вернулась, чтобы заботиться о пожилой матери. Они с Мартой заведовали библиотекой и участвовали в нескольких общественных проектах округа, и одним летом моя дочь помогала Вонни по дому. После смерти Марты Кади пыталась свести нас с Вонни, к чему мы оба отнеслись с юмором и откровенным флиртом. Я мог разглядеть Вонни даже в тусклом свете – резкие черты лица, волчьи глаза и волосы цвета песка, как всегда забранные в пучок.

Я облокотился на барную стойку рядом с Вонни и слегка пихнул Роджера, выставя свой солидный зад.

– Господи, Родж, – я оглянулся в темноте, – ты что, не понял, что у нас проблемы с электричеством?

Он медленно поставил свою выпивку на стойку и отодвинул ее кончиками пальцев.

– Я... на пенсии.

Генри встал по ту сторону стойки, протянул мне пиво и наклонился к Роджеру.

– А что насчет этой фишки с пенни?

Роджер перевел взгляд на него, задумавшись над ответом. А я же повернулся к Вонни.

– Боже, какие люди сидят тут в темноте.

Она сделала глоток своего шенен блан. Генри всегда хранил для нее в холодильнике бутылку белого вина. Я давно хотел попросить у нее попробовать, но так и не набрался смелости. Ее глаза мягко мерцали, а уголки губ образовали

теплую, но грустную улыбку.

– Привет, Уолтер.

Генри уже давно научился разговаривать с пьяницами, поэтому продолжил:

– Есть такие старые большие предохранители; если засунуть туда пенни, то они проведут ток?

Роджер рассмеялся.

– Да, это возможно, как возможно и то, что так ты расплавишь всю дешевую проводку в этой дыре и сожжешь нас всех заживо.

Я почти что прислонил Роджера к стойке, чтобы он не потерял равновесие во время разговора, взял свободный стул у края бара и сел между Роджером и Вонни.

– Вонни... – Ее глаза раскрывались немного шире, если ты обращался к ней напрямую, а потом прикрывались, будто она запоминала то, что ей говорили, и обдумывала это.

Я уже начал вспоминать, почему она мне нравилась, и продолжил:

– Видишь этого языческого красного дьявола за стойкой? – Ее взгляд на мгновение упал на Генри, а затем вернулся ко мне. – Они с Кади плетут какой-то заговор против меня.

Ее глаза снова округлились, и она второй раз повернулась к Генри.

– Это правда, Медведь? – Меня раздражало, что все местные женщины спокойно обращались к нему по имени.

– Этот белый несет какую-то хрень, – кивнул он в мою сторону.

Теперь мы словно в сериале. Я был Рэндольфом Скоттом, а он... не знаю, таким громадным индейцем, которого либо избили, либо убили к концу третьей серии.

– Это правда, он прошел государственную подготовку для участия в подобных тайных операциях.

Я указал на рамки на стене за баром, среди которых была обгоревшая карта Северного и Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. На этой карте были медали Генри из спецназа, «Пурпурное сердце», «За выдающуюся службу», «За храбрость» из Вьетнама и еще за несколько кампаний. Еще там висели черно-белые фотографии Генри с командирами пехотных взводов и его товарищем по службе Ло Чи, которого он перевез в Лос-Анджелес. Там даже была фотография со мной – мы были одеты в самые уродливые на свете гавайские рубашки в Сайгоне, во время трехдневной увольнительной в 1968 году.

– Видишь все эти медали на стене? На войне его обучили действовать всем на нервы. Обычный солдат вроде меня ни за что не сможет противостоять такой закаленной в боях занозе в заднице.

Мало кто знал темную историю группы спецназа, действовавшей за пределами Лаоса, но цифры говорили сами за себя: на каждого погибшего американского солдата приходилось по 100–150 вьетнамских военных. Медведь был дета-

лю в одной из самых эффективных машин для убийства по обе стороны войны.

Лицо Генри приподнялось и наклонилось в сторону, когда выставленная рука приняла на себя вес его головы.

– Простой солдат? За время войны он всего лишь раз был близок к настоящей драке – когда проводил со мной три дня в Сайгоне. – Потом он заговорил шепотом, но я был почти уверен, что кроме меня этого никто не услышал. – Кроме Тета...

Я позволил Генри выбивать из Роджера бесплатную консультацию по починке электричества, а сам снова переключился на Вонни. Она смотрела в стеклянные глаза одной из антилоп за стойкой бара.

– Они красивые, – сказала она, не отводя взгляд. – Как думаешь, они чувствуют боль так же, как и мы?

– Нет.

– Правда? – повернулась она ко мне с явным раздражением.

– Правда.

На секунду Вонни продолжила смотреть на меня, а потом перевела разочарованный взгляд на бокал с вином.

– Значит, ты считаешь, что они не чувствуют боль.

– Нет, я сказал, что они не чувствуют боль так, как мы.

– А. – Улыбка медленно вернулась на место. – Я уж подумала, что ты стал идиотом.

– Нет, сыном кузнеца.

Улыбка так и не спала, и Вонни кивнула.

– Раньше ты приходил к нам со своим отцом... Ллойдом.

– Его имени уже никто не помнит. – Я внимательно следил за ней.

– Мне кажется, он нравился моей маме.

– Очередной Лонгмайр на поприще обольщения. Иногда я помогал ему подковыривать лошадей, когда был совсем маленьким. Мне казалось, что это больно, поэтому я спросил.

– И что он ответил?

– Папа часто сыпал библейскими изречениями, но тогда он сказал, что скот не чувствует боль так, как люди. Это цена за то, что мы можем думать.

Вонни снова глотнула вина.

– Приятно осознавать, что из всех животных мы чувствуем боль сильнее всех.

Я прикрыл глаза и посмотрел на нее.

– Это что, сарказм с Восточного побережья?

– Нет, это восточная жалость к себе.

– А. – Мне уже приходилось наступать себе на горло. Я умело и с ходу заводил подобные беседы, но они очень быстро меня утомляли. Сначала я их поддерживаю, но потом становится все труднее.

Вонни накрыла мою руку своей, и мне показалось, что я никогда в жизни не ощущал таких горячих ладоней.

– Уолтер, у тебя все хорошо?

Начиналось всегда с этого – с прикосновения и добрых

слов. Раньше я чувствовал жар в области глаз и спертость дыхания, но теперь осталась только пустота. Предохранители желаний давно сгорели, и их не спасут никакие пенни.

– Так ты правда хочешь поговорить?

– Ну да, нам все равно больше нечем заняться.

Ее глаза были такими грустными, такими открытыми, поэтому я наклонился ближе и сказал правду:

– Я... почти никогда ничего не чувствую.

Она моргнула.

– Я тоже.

Картина словно в кино – я поворачиваюсь к другу в окопе и спрашиваю, сколько у него осталось патронов. У меня еще две обоймы, а у тебя?

– Я знаю, что у меня есть дела, но мне просто не хватает энергии. В смысле, я уже три недели хочу перевернуть подушку.

– Понимаю... – Вонни отвернулась. – Как Кади?

Вот он я, плыву по Тихому океану жалости к себе, и Вонни кидает мне спасательный круг, чтобы я не опозорился. А все из-за тебя, бармен...

– Отлично. – Я перевел взгляд на Вонни, чтобы убедиться, что ей действительно интересно. Так и было. – Уже освоилась в Филадельфии.

– Она всегда была особенной.

– Да, это правда. – Какое-то время мы сидели молча, пока мой пожар родительского самодовольства медленно успока-

ивался до мягкого свечения дружеской беседы. Рука Вонни до сих пор покоилась на моей, когда зазвонил телефон.

– Похоже, она тебя нашла. – И рука пропала.

Я наблюдал за тем, как Генри дождался второго звонка – его телефонная фишка – и схватил трубку.

– В «Рыжем пони» очередной прекрасный вечер и непрерывная светская беседа, чем могу помочь? – Его лицо скривилось в одну сторону, будто говоривший только что ему врезал. – Да, он здесь.

Генри протянул провод через весь бар и передал мне телефон. Его взгляд не отпуская мой.

Одной рукой я уложил трубку между подбородком и плечом, а другой поднес бутылку к губам, чтобы сделать глоток.

– Привет, цветочек...

– Привет, идиотина, – сказал голос на другом конце. – Это не дохлая овца.

Я замер, чувствуя, как мир слегка накренился, но затем взял себя в руки и понизил голос:

– Что у нас?

Все посетители бара уставились на меня.

В голосе Вик звучали неведомые для меня ранее нотки – что-то похожее на возбуждение, скрываемое за деловой скукой.

– Мужчина, белый, около двадцати одного года... одно входное отверстие, похоже на 7,62×63.

Я потянулся, чтобы потереть глаза, заметил, как дрожит

моя рука, и убрал ее в карман.

– Ладно... позвони в магазин, пусть пришлют Маленькую леди.

Последовала короткая пауза, и я прислушался к помехам на 137-й линии, подключенной к телефону в Дюране.

– А кассиров не надо?

– Нет, только упаковщиков. У меня надежный персонал.

Вик рассмеялась.

– Это ты еще ничего не видел. Сраные овцы тут по всему прошлись; думаю, некоторые даже съели часть его одежды. А еще он весь в дерьме.

– Класс... У моста Хадсон. Мигалки включены?

– Да. – Она ненадолго замолчала, и я снова слушал помехи. – Уолт?

Я уже начал убирать телефон.

– Да?

– Привези пива тихому Бобу и Билли.

Такое я услышал впервые.

– Обязательно. – Я снова начал опускать трубку.

– Уолт?

– Что?

– Это Коди Притчард.

Труп, как ничто другое, может заставить почувствовать тебя... ну, отстраненно. Наверное, парни из крупных городов, которым приходится записывать по сорок-пятьдесят убийств в год, уже привыкли к этому, но я – нет. За долгую жизнь бок о бок с дикими животными и скотом я уже давно понял, что механика смерти довольно проста. Есть целая религия, строящаяся на этом переходе, последнем шаге, после которого из вертикального существа ты превращаешься в горизонтальное. Вчера ты был никем, а сегодня ты почетный покойник с обернутыми в мешки руками. Я оберегал остатки моей человечности, нелепо притворяясь живым и до глупости уверенным в себе, будто я три метра ростом и пуленепробиваемый. И хоть я иду долиной тени, я буду жить вечно. И даже если нет, я точно не стану бесхозным трупом в штате Вайоминг, обосранным овцами.

Мы почти закончили работу – оцепили и осветили территорию, сделали фотографии. В присутствии усопших в людях вспыхивает какая-то самоуверенность, что-то типа «ты мертв, а я вот – нет». По какой-то причине туши таких же животных, их пустые смертные оболочки пробуждают худшие мои черты, и мне начинает казаться, что я умею шутить.

– Можно сформировать поисково-спасательный отряд из овец. – Я отковырял засохшее дерьмо от штанины и вытащил

его из-под ногтей. — Я так понял, что овцы согласны и в бурю работать. Заодно избавимся от этого молочая.

Я оглянулся на заледеневшее желтоватое растение, погрызенное блеющими свидетелями, которых теперь оттеснили в загон у подножия холма. Я простоял тут уже девять часов, и солнце начало рассеивать серые глыбы восточного горизонта. Место преступления представляло собой небольшое углубление у холма, похожего на венец.

— Что думаешь?

Ти-Джей вздернула бровь, выглядывая из-за своего планшета.

— Коди Аллен Притчард. — Она опустила бровь и перевела взгляд на охотничью лицензию и удостоверение личности, прикрепленные сверху документов. — Дата рождения: 01.08.81. Запоминается.

Коди был не в лучшем виде. Тот, кто убил его, сделал это одним выверенным выстрелом. Со спины выглядело так, будто кто-то просверлил между лопаток Коди идеальное отверстие; спереди же казалось, что по нему проехала карета. Труп лежал лицом вниз, конечности естественно вытянуты, руки по бокам ладонями к бледному небу. Меня подмывало посмотреть, короткая ли у Коди линия жизни, но его руки были уже в мешках. В отдел забрали зеленую шляпу «Джон Дир» с регулируемым ремешком и нетронутый «Винчестер» 30–30 94-й модели, найденный рядом с телом. Одежда Коди была в плохом состоянии, даже учитывая, что

через него прошло больше десяти кубических сантиметров свинца со скоростью семьсот пятьдесят метров в секунду. Овцы тоже знатно его потрепали. Оранжевый жилет был порван в местах, где они пытались его съесть, рукава фланелевой рубашки превратились в лоскуты, даже ботинки выглядели так, будто их погрызли. Затем овцы на нем поспали, забирая себе последнюю энергию покойного Коди Притчарда, пока его тело остывало. И наконец, к большому неудовольствию криминалистов, труп был обосран.

Я махнул на овец у холма.

– Полагаю, вам надо допросить свидетелей.

Ти-Джей Шервин была начальницей лабораторного отдела уголовных расследований уже около семнадцати лет. Я всегда называл ее Маленькой леди, хотя в правоохранительных органах Вайоминга у нее было множество других кличек: Сучка на колесах, Злая ведьма Запада и Леди-мешок. Последняя кличка намекала на ее отдаленный от остальных отдел уголовного розыска – переоборудованный продуктовый шайеннов, который теперь все называли «магазин». Следовательно, криминалистов нарекли упаковщиками, а следователей по уголовным делам – кассирами.

На первой же встрече с Ти-Джей она сообщила мне, что я отношусь к тому типу динозавров, которых она лично собирается уничтожить, то есть выгнать с работы. Шли годы, мы вместе раскрывали дела, и я так и остался динозавром, но перешел в число любимчиков.

– Ну, какие мысли? – Она наконец опустила планшет.

– Он не похож на оленя, – рассмотрел я Коди еще раз.

– Уолт, давай только без вот этой фигни типа «Да подумаешь». Это один из тех парней, что был вовлечен в дело по изнасилованию два года назад. – Ти-Джей буквально провела меня за руку через расследование изнасилования Маленькой Птички и открыла для меня мир секретеров, мазков и гинекологических осмотров.

– Ну да, он точно не был ангелом. Надо проверить все записи, надеюсь, наткнемся на какого-нибудь идиота из Миннесоты, которому захотелось пострелять.

– Думаешь, это не несчастный случай?

Я ненадолго задумался.

– Как я уже сказал, парень не был святым.

– У тебя предчувствие?

Я только хотел затереть ей старую как мир лекцию по праву, но передумал.

– Нет.

Когда мы вернулись, упаковщики уже убрали Коди в мешок и положили на носилки; некоторые все еще складывали улики в пакеты. Один парень как раз опускал в пластиковый конверт орлиное перо. Он поднял голову, когда мы подошли.

– Похоже, беднягой кто только не обедал.

Ти-Джей повернулась ко мне.

– Уолт, ты будешь главным в этом деле?

– Ты про то, потащусь ли я с вами в этой старинной по-

возке пять часов до магазина?

– Да.

– Нет. – Я указал на несколько машин, у которых Вик складывала фотоаппарат. – У подножия холма стоит немного взволнованный, но квалифицированный главный следователь.

Ти-Джей улыбнулась. Вик ей нравилась.

– У нее сейчас есть какие-то дела?

– Ну, сегодня она развешивала рождественские украшения, но так уж и быть, я отпущу ее на пару дней.

– Еще даже не День благодарения.

– Так решил городской совет.

Мы последовали за трупом туда, где собралась остальная часть нашей маленькой оперативной группы. Кто-то принес термосы с горячим кофе и несколько коробок пончиков. Кофе я взял, но пончики я не ем. По другую сторону машины стоял Джим Фергюсон, один из моих заместителей и руководитель поисково-спасательной службы, и я спросил, нашли ли они что-нибудь во время обыска. Его рот был полон начинки, но в мычании явно слышалось «нет». Потом я сообщил ему, что найму овец вместо его людей.

– Мы осмотрели триста метров, но было темно. Как только все выпьют кофе и поедят пончиков, мы пойдем снова. Думаешь, где-то остались патроны?

– Надеюсь.

Я забрал кофе и отошел в ту сторону, где на откидном

борте сидели Ти-Джей и Вик. Они рассматривали что-то из улик, и я надеялся, что пойму тему их разговора.

– Один выстрел в центр, грудь почти не пострадала. – Вик подняла пакет к солнцу и посмотрела на маленький ку-сочек металла. – Черт, не знаю.

Ти-Джей похлопала ладонью по месту сбоку от нее, и я сел. Вик продолжила:

– Похожа на ружейную. Может, 12 калибр или больше.

– Бабука?

Она опустила пакет и встретилась со мной взглядом.

– Ты меня выгоняешь?

– Ага, – кивнул я.

– Почему?

– Потому что ты заноза в заднице.

– Иди к черту.

– Еще и ругаешься.

Вик отдала пулю в пакете Ти-Джей.

– Ты застрянешь с Терком.

– Ну, может, мы вместе развесим рождественские огонь-ки. – Вик фыркнула и поправила оружейный пояс. – К тому же, ты забываешь об этих неведомых внеземных технологи-ях. Теперь можно быстро передавать информацию.

Потертое золото непрерывно следило за мной.

– Ты будешь там не дольше двух дней. Вряд ли понадо-бится больше, чтобы собрать всех подозреваемых. – Хоть я и был стариком, но кое-чему научился, так что логичнее всего

мне было работать с людьми.

Вик ткнула меня в живот. Ее палец попал в одну из моих складок, и она тыкала с каждым словом, чтобы делать на них акцент.

– Если поисковики ничего не найдут, ты позвонишь Омару?

– И это еще одна причина, почему тебе надо уехать – ты не любишь Омара.

– Будь осторожен, хорошо? – ткнула она меня снова.

Из уст Вик это звучало крайне странно, но я воспринял как проявление заботы и пихнул ее в плечо.

– Я всегда... – Но она оттолкнула мою руку.

– Я серьезно. – У Вик были недобрый, но честный взгляд, который она редко отводила. Мне такое только на руку. – У меня странное предчувствие.

Я оглянулся на заросли полыни и заметил, как солнце выбралось из плена красных холмов.

– Ну, у тебя будет пять часов, чтобы обсудить с Ти-Джей женскую интуицию.

На этот раз она ткнула сильнее.

Я задержался на месте преступления до окончания второго осмотра – сидел на Пуле и заполнял отчеты. Ферг подошел ко мне с чашкой кофе и новым пончиком.

– Нашли что-то?

К счастью, в этот раз я попал в перерыв между жеванием.

– Нет. Сплошные тропинки и овечье дерьмо.

– Есть подозрительные тропинки?

– Нет даже подозрительного дерьма. Там как будто скотный двор.

Я задумался о том, что жертву убивают лишь раз, а место преступления может умереть тысячью смертей. Оставалось надеяться, что вся полезная информация, которую можно было выудить из этой крошечной дыры, уже отправлялась в пакетах в отдел. Мотив – это, конечно, хорошо, но если не узнать «как», то выяснить «кто» будет практически невозможно. У меня было неприятное предчувствие, что придется звонить Омару.

По дороге к Притчардам я вспоминал мою последнюю встречу с живым Коди. Он был коренастым парнем – идеальная фигура для защитника – с кудрявыми светлыми волосами и голубыми глазами. Лицом он пошел в маму, характером – в папу, а мозгами – ни в кого. Мне три раза пришлось иметь с ним дело; изнасилование было последним. Коди завоевал расположение местных коренных американцев, когда его процитировали в газете Шеридана: «Ну да, она отсталая краснокожая, но она сама напросилась».

Притчарды жили на окраине Дюрана, и к тому времени, как я туда добрался, на пороге дома стояло уже восемь или девять машин. В маленьких городках новости разлетаются быстро. Когда я выключил двигатель, осознание того, что мне предстоит сделать, сбило меня, как товарный поезд. Как сказать родителям, что их ребенок мертв? Они точно уже

что-то слышали, но мое заявление будет официальным. Я позволил себе глубоко вздохнуть.

Рядом с Пулей кружили ласточки. Видимо, я потревожил и их семью. Наверное, у меня сегодня такой день. Я не спал уже больше двадцати четырех часов. Ночью работать легко, потому что тогда не светит солнце, но как только оно встает, у меня болят глаза, и я становлюсь дерганным. Так было всегда. Я сфокусировал взгляд, когда услышал грохот входной двери и увидел, как Джон Притчард идет по подъездной дорожке. Мне никогда не нравился Джон – он был одним из тех, кто любит все контролировать. Разговор прошел не так ужасно, как мог бы. Он сообщил мне, что Коди ушел из дома двадцать семь часов назад с лицензией на охоту. Я сообщил ему, что Коди не вернется.

Я сделал все возможное, проехал десять километров до дома, посидел на крыльце – ну, у входной двери, – но недолго, потому что было холодно. У меня хватило сил завалиться в дом, а не вывалиться из него. Я то и дело просыпался и засыпал снова, пока не зазвонил телефон, а потом зазвучал автоответчик, который заставила меня купить дочь.

– Это дом Лонгмайров. Сейчас никто не может взять трубку, потому что мы ловим преступников или восстанавливаем справедливость. Если вы оставите сообщение после сигнала, мы ответим вам, как только сможем. Хорошего дня!

Ей было очень весело записывать сообщение, напечатанное в инструкции, разумеется с небольшими поправками. Я

улыбался каждый раз, как слышал его.

– День панкейков! – закричал голос в двадцати километрах. Джим Фергюсон был не только главой поискового отряда и моим старейшим заместителем на полставки, но еще и тем человеком, который раз в год разъезжал на рассвете по Дюрану на пожарной машине и кричал в мегафон: «День панкейков! День панкейков!»

В округе Абсарока всего три главных дня для избирателей, и два других я что-то не припоминал.

– О боже, нет. День панкейков.

Я подумывал застрелиться. Так и вижу заголовок: «САМОУБИЙСТВО ШЕРИФА! ОН ИСПУГАЛСЯ ПАНКЕЙКОВ».

– День панкейков! – Фергу очень нравилась эта работа. – Я целый час пытаюсь до тебя дозвониться, чтобы напомнить. Но если ты правда уйдешь через год на пенсию, то кому не пофиг?

Я проковылял до телефона возле кресла.

– Он правда сегодня?

– Ну разумеется. – Последовала пауза. – Слушай, Уолт, если хочешь, я скажу всем, что мы всю ночь работали.

Ферг поддерживал кампанию Терка, но у меня были другие планы. Если я хотел, чтобы Вик стала первой женщиной-шерифом в Вайоминге, то у меня оставался всего год, чтобы сделать для этого все. Я вынесу час Дня панкейков с Лосями, Орлами, Львами, Группой молодежи, Дочерьми

американской революции и, разумеется, Ассоциацией пенсионеров.

– Приеду через полчаса.

– Не забудь, в этом году мы собираемся в католической церкви.

– Точно.

Я включил кофемашину, насыпал туда столько кофе, что хватило бы на восемь чашек, а воды – только на четыре. Пока кофе готовился, я пошел мыться. Водопровод мы проводили сами, но вода текла сверху и уходила вниз. В этом помогала ванна, которую Генри нашел мне за двадцать долларов. Кто-то в резервации стрелял по ней 22-м калибром, но только облупил покрытие. А еще была проблема со шторкой. Не знаю, что за физика заставляла ее прилепляться к телу, когда включаешь воду, но так как мою ванну со всех сторон окружали шторы, во время душа я превращался в буррито-ше-рифа в вакуумной упаковке.

Я сел за руль Пули и проехал двадцать километров до города. Дюран расположен вдоль гор Бигхорн, и, поскольку здесь в изобилии водятся рыба и дичь, он стал пенсионерской столицей штата Вайоминг. В округе Абсарока игнорировать голоса стариков – значит всю жизнь пахать на бензоколонке Синклер. В Дюране практически нет работы кроме сферы обслуживания, из-за чего все люди старше девятнадцати сразу же уезжают; зато пенсионеры продолжают наплывать из Миннесоты, Висконсина, Иллинойса и Айовы, а

еще парочка процентов из Техаса и Калифорнии. Они приезжают в поисках романтики Запада, которую показывают по субботам в мерцающем черно-белом цвете. Эти люди полвека штамповали свои бамперы и ждали осуществления западной мечты; они платили за нее и хотели осуществить во что бы то ни стало. Большинство в итоге собирали вещи и уезжали во Флориду, Аризону или куда-нибудь еще с более мягким климатом. Мне нравились те, кто оставался. Они выходят после метели, убирают снег и машут Пуле с такой радостью, будто в город приехал цирк. Черт, а я останавливался и говорил с ними. В Вайоминге шерифов избирают, так что мы должны нравиться народу. Наверное, если бы обычных полицейских избирали так же, текучка кадров была бы сильнее Ниагарского водопада.

На заре моей карьеры эта часть работы нравилась мне меньше всего – завоевывать всеобщую любовь. Но время шло, и я наоборот стал наслаждаться этим больше всего. Марта была права, когда сказала, что мне нужна наклейка на бампер «РОЖДЕН ВЕШАТЬ ЛАПШУ». Дебаты были просто потрясающими. В 81-м старый шериф Конналли задумал уйти на покой. Он пошел против меня, чтобы никто другой не встал на его место, и его речь была настолько нелепой, что к окончанию дебатов я чувствовал себя президентом всего мира. Меня избрали. Люциан вышел на пенсию и начал вести светскую жизнь в комнате 32 в Доме престарелых Дюрана. Я до сих пор хожу к нему вечером по вторникам играть

в шахматы, и он до сих пор разбивает меня в пух и прах, к его огромному удовольствию.

Я посмотрел на трехсантиметровый слой снега, покрывшего полынь. Было похоже на азбуку Морзе из белых точек и черточек, ведущих по дороге. Если бы я мог расшифровать это сообщение, рассказало бы оно интересную историю? Правда по-прежнему заключалась в том, что меня избрали шерифом благодаря культу личности, и если эта тенденция сохранится, мою наследницу точно не выберут. Может, я впаривал округу Вик просто потому, что мог? Нет, она была лучшим кандидатом на эту должность, именно поэтому я не сдамся. День панкейков, День панкейков.

Я переключился на вторую передачу на углу главной улицы и Бигхорн и увидел вдалеке «Транс-Ам» Терка, припаркованный у офиса. От одного вида его машины у меня заныла задница. Мне не хотелось встречаться с ним на пустой желудок. Я надеялся, что он уже получил всю возможную информацию о ночном инциденте у Лаванды Бегущей Лошади из отдела по охоте. Я быстро обогнул здание суда так, чтобы меня не заметили, и направился напрямиком к католической церкви. Там была огромная толпа и ни одного места для парковки. Я выкатил Пулю на бетонную площадку рядом с кондиционером и заглушил двигатель. Вряд ли святой отец сегодня приедет.

– Неужели это сама длинная рука закона. – Старая шутка, но я не против. – Лонгмайр, возьми стул и сядь сюда.

Стив Брандт был мэром Дюрана и де-факто президентом Торгово-промышленного комитета – группы враждующих племен, составляющих коммерческое сердце города. Также он владел конторой, занимающейся печатью на главной улице, и делал футболки для ежегодного соревнования по софтболу между отделом шерифа и пожарной охраной, но чем меньше об этом говорить, тем лучше. Рядом с ним сидел Дэвид Филдинг из спортивного магазина, Элейн Гири, заведующая художественной галереей, Джо из магазина «Скобяных изделий и пиломатериалов Джо Бенхэма», Дэн Кроуфорд из ассоциации гольфистов и Руби.

– Что ты тут делаешь? – Руби уперлась подбородком в ладони, ее пальцы гладили впадинку за скулами. Насколько я понял, скулы появляются только в том случае, если ты ходишь больше пяти километров в день.

Я снял плащ и сел на него.

– Пришел поддержать отважных добровольцев Дюрана из пожарного отдела в противопожарном нейлоне... Как думаешь, их шляпы круче наших?

– Разве ты не должен спать у себя в кроватке?

Я снял шляпу и нацепил ей на голову. Смотрелось броско. Потом я повернулся к остальным за столом.

– Я постоянно натываюсь на эту проблему со всеми женщинами – они хотят затащить меня в постель. – По столу пришлось несколько смешков, а Руби сняла мою шляпу и повесила на край стола. – А все потому, что я похож на Гэри

Купера.

Весь стол пришел к общему кинематографическому мнению, что я больше похож на Хута Гибсона, и я сменил тему:

– Ну что, как панкейки?

– Мы не знаем. Сидим тут уже двадцать минут и не видели ни одного чертового панкейка. – Джо Бенхэм казался сердитым и голодным.

– Может, оно и к лучшему. Сегодня же не снова пожарные готовят?

– Надо было понять, что они не умеют работать с огнем, – Дэвид намекал на печально известный инцидент с маслом, когда пожарники подожгли старую дровяную печь в зале Будущих фермеров Америки, в результате чего панкейки того года на вкус напоминали черепицу.

– Интереснее всего было, когда они чуть не подожгли свою же машину на том полевом пожаре недалеко от твоего дома, – сказала Элейн, которая, как хранительница искусства, всегда ценила зрелищность.

Руби поставила передо мной дымящийся стаканчик с кофе. Я даже не видел, как она уходила.

– Спасибо, мэм. – Я сделал глоток и слушал разговор, вливая в желудок еще больше тех четырех чашек. Мне хотелось есть, а это плохой знак на Дне панкейков.

– Мы как раз обсуждали украшения города на Рождество, Уолт. Как думаешь, они худшие в Вайоминге? – Глаза Элейн замерцали. Как член городского совета, она уже шесть лет

просила сделать новые украшения. Проблема в том, что отец Джо создал это «произведение искусства» в виде Сант, эльфов, оленей, колокольчиков, венков, свечей, деревьев, омелы, елок, звезд и разных игрушек двадцать пять лет назад. Кто бы что ни говорил, но сантиметровый слой этого уродства держится веками.

– В Джиллетте хуже, – заявил я.

– Мы слышали, у тебя была тяжелая ночка. – Дэн Кроуфорд взял свой кофе и подул на него, наблюдая, как сливки образуют маленькую волну на другой стороне стаканчика. Все затихли.

Все утро люди будут говорить только об этом, так что можно спокойно сделать официальное заявление.

– Ничего особенного. Несчастный случай во время охоты у 137-й на БЗР. – Я попытался сказать это так, чтобы больше тема не поднималась.

– Говорят, погиб мальчик. – Дэн не сводил глаз с кофе.

– А еще что говорят? – Стало тише. – Без обид, Дэн, но я не буду играть здесь с тобой в угадки. Лучше скажи все, что знаешь, и я соглашусь с этим либо опровергну. – Он покраснел; я хотел добиться не такого эффекта.

– Я не хотел вмешиваться, Уолт. Мне просто интересно. Это правда. Я провел руками по лицу и оглянул стол.

– При всем уважении к ведущемуся расследованию, похоже, прошлой ночью некий Коди Притчард отправился в далекую страну, откуда не возвращается ни один путник.

Элейн сразу уловила отсылку.

– Ты сузил круг подозреваемых до пары сотен тысяч, то есть «что-то подгнило в Дании» или Айове?

– Вряд ли город объявит публичный траур, – кивнул Джо.

Элейн рискнула предположить, что кто-то устроит парад, но затем спасла меня, сменив тему и спросив, не хочу ли я играть Дух грядущего Рождества в постановке «Рождественской песни» в местном театре. Я был уверен, что она выбрала меня из-за роста, а не из-за актерских способностей. Эта теория подтвердилась, когда Элейн заверила меня, что мне не придется говорить ни слова, а только показывать пальцем.

Я отлучился по важному делу и пошел в мужской туалет в дальнем конце зала. По дороге я заглянул в приоткрытую щелку на кухню и удивился, когда увидел, как Вонни Хайес передает полную тарелку панкейков ожидающему пожарному. Она выглядела так же, как и вчера, хотя это было словно в другой жизни. Ее пальцы откинули назад прядь волос, выбившуюся из свободного пучка. Так странно, как настолько простые движения становятся чем-то индивидуальным и фирменным. Такое вращение запястья и потягивание двух пальцев. Меня возбуждало даже это. Я помахал ей, и, кажется, она меня заметила, но это неточно. Вонни улыбнулась молодому пожарному и скрылась на кухне. Эти пожарные только так соблазняют женщин.

Я сделал в туалете свои дела, вымыл руки, нажал кнопку на сушилке и вытер руки о джинсы под тихий шум совре-

менных технологий. Только тогда я понял, что оружие до сих пор при мне. Я не ношу его на общественные мероприятия и по выходным. Вообще-то все знали, что я мог снять пистолет и забыть его где-нибудь. Иногда Вик приносила его мне из туалета в офисе или с пассажирского кресла Пули. Она любила подшучивать над моим старинным пистолетом и называла его мушкетеном. Этим тяжелым оружием, из которого сложно стрелять и целиться, я пользовался во Вьетнаме и успел привыкнуть.

У кольта 1911 было жуткое, но надежное прошлое. Во время филиппинских операций островитяне принимали наркотики и заворачивались в сахарный тростник. Военнослужащие США задорно пытались отстреливать этих местных, но все безрезультатно, пока их не перерезали мачете. Очевидно, американцам требовалось что-то посерьезнее обычного оружия. Нужен был 38-й. Автоматическое однозарядное дитя Джона Браунинга выросло до 45-го калибра, и филиппинцы только так вылетали из своих окопов. Прицел этого оружия был примерно таким же, как у баскетбольного мяча, но если им попасть хоть во что-то, велики шансы, что противник повержен.

Я расстегнул кобуру и вытащил пистолет, чтобы проверить – старая привычка. Матовое покрытие давно стерлось на выступах у ствола. Полностью заряженный, каким он сегодня и был, кольт обычно весит чуть больше килограмма, но сегодня он будто весил все сто. Какого черта я ношу его

с собой? Чтобы отвечать на какую-то скрытую угрозу? Может, об этом меня просило подсознание? Примерно в этот момент я услышал, как открывается дверь в туалет, и пожарный при полном параде окинул взглядом меня и оружие.

– Я и не думал, что панкейки настолько ужасные.

– Привет, Рей. – Это его я видел рядом с Вонни через кухонное окно. – Тебе надо в туалет?

Он ответил не сразу.

– Мисс Хайес послала за тобой, тебе позвонили на кухню.

Наверное, тогда Рей первый раз в жизни произнес слово «мисс». Он так и не двинулся с места.

– Что-то еще?

Рей смущенно улыбнулся.

– Ты хочешь кого-то застрелить?

Я ненадолго задумался и вздохнул.

– А в кого-то надо стрелять?

– Нет, насколько я знаю. – Рей на секунду отвернулся. – Похоже, тот, кто этого заслуживает, вчера сбежал.

Он был примерно одного возраста с Коди Притчардом и, наверное, ходил вместе с ним в школу. Я кивнул и начал проталкиваться к выходу мимо Рея.

– А что там... с Коди?

Я встал, и мы так и застыли в дверях. Я перевел взгляд на Рея.

– Ну... – Я немного помолчал для театральности. – Он умер.

Я смотрел на Рея и ждал, скажет ли он что-то еще. Он не сказал, поэтому я улыбнулся.

– Лучше вам доставить панкейки майору за столом Комитета деловых партнеров, пока вы там все не начали тушить пожары.

– Точно. – Всегда приятно знать, какой стороной к тебе повернут панкейк.

Я размышлял о том, что меня поймали в туалете с оружием в руках, пока шел на кухню. Класс, как будто все в округе и так не думают, что меня давно надо закрыть в палате с мягкими стенами. Когда я дошел до двери на кухню, Вонни уже держала ее открытой.

– Не сидится на месте?

– Да хотелось бы. – Боже, она была такой красивой, когда капли пота блестели в ложбинке у основания ее шеи.

– Телефон у раковины в конце комнаты.

Я пронесся мимо нее, стараясь излучать профессионализм и компетентность, и схватил трубку с сушилки.

– Лонгмайр.

– Господи, ты опять там жрешь? – Отдаленный вой шайеннов на том конце провода меня не удивил; судя по моему опыту, почти все, что было связано с шайеннами, так или иначе выло.

– Я мотивирую избирателей и не съел еще ни одного панкейка. Почему ты еще не спишь?

– Медэксперт только что закончил первичное обследо-

ние.

– Дай угадаю. Свинцовое отравление?

– Да, говорят, он умер где-то в половину седьмого. Это аргумент в пользу несчастного случая на охоте – тогда начинает темнеть и все такое, но...

А вот это уже интересно.

– «Но»?

– Множество полостей с рентгеноконтрастными вкраплениями.

Перед глазами сразу же встала картина рядовой охотничьей амуниции. Очевидно, сейчас мы говорили о чем-то серьезнее.

– Не военное оружие?

– Возможно, пуля полуболоченная, возможно, нет. Калибр очень странный и большой.

– Какой?

– Мы пока не знаем.

Это уже что-то. Раз Вик изучала баллистику в Филадельфии, я сразу принял ее первую теорию, что пуля была калибра 30–06.

– А ты что думаешь? – На том конце ненадолго повисла тишина.

– Я думаю, это не охотничье ружье.

Я вскинул бровь.

– Правда?

– Я знаю, как выглядит хреново ружье для оленей.

Мы оба замолкли, обдумывая эту фразу.

– Тебе надо поспать. – Было приятно говорить эту фразу кому-то другому. Тишина.

– Он ел чизбургер с перцем халапеньо.

– Я закажу себе бургер и поговорю с Дороти. Что-нибудь еще? – Тишина.

– Поговори с Омаром. Он поехавший на голову, но знает свое дело. – Тишина. – Ну что, скучаешь по мне?

Я рассмеялся. Когда я повесил трубку, ко мне подошла Вонни с тарелкой дымящихся панкейков.

– Я подумала, что только так ты сможешь поесть. – Она расслабилась и прислонилась к стене. В фартуке и с забранными волосами она казалась самым воплощением амишей. – В твоей жизни слишком много женщин.

– Это хорошо или плохо? – спросил я в перерыве между жеванием.

Вонни смотрела в свою чашку кофе. У нее были огромные глаза.

– Зависит от женщин. – Я кивнул и продолжил жевать. – Наверное, это так сложно. Я не знаю, как ты справляешься.

– Ну, такое происходит не каждый день – бегать по пятнадцать километров на рассвете, триста раз приседать... – Она фыркнула от смеха, извинилась и прижала руку к лицу.

– Как тебе панкейки?

Я сделал глубокий вдох.

– Прекрасно, спасибо.

– Я слышала, что раньше ты пек панкейки в виде животных, – хитро улыбнулась Вонни.

– Ты говорила с одной из женщин в моей жизни.

– Да, это правда. Я узнала о тебе много разного, пока она на меня работала.

Я кивнул, раздумывая на этом «разным», и взял последний панкейк.

– Мы договаривались так: если она ходит в церковь по воскресеньям с мамой, то ей не приходится есть завтраки ее грешного отца. Удивительно, что такими темпами она не стала повернутой методисткой.

– А я слышала совсем другое. Мне она говорила, что любила оставаться с тобой наедине.

– А теперь только так. – Слова вылетели до того, как я успел их обдумать. Я уже так привык шутить насчет смерти Марты, но здесь это казалось неправильным. – Прости.

– Тебе бывает одиноко, Уолтер?

– Ну конечно. – Я пытался придумать, что сказать, но все казалось недостаточно откровенным. В голову лезли мысли лишь о том, какой красивой была Вонни. Перед глазами стоял размытый образ Вонни, моей кровати на ранчо и исполнения всех моих желаний сразу. О таком тоже не стоит говорить.

– Давай как-нибудь встретимся?

А может, и стоит.

– Боже, мисс Хайес, вы ко мне пристаёте? – я сделал уда-

рение на слове «мисс». Ее глаза загорелись.

– Возможно, мистер Лонгмайр, хотя должна признать, что ваше безразличие и толпы женщин, с которыми мне придется иметь дело, немного пугают.

– Ну что ж, они достаточно агрессивные, так что я понимаю.

– На ум приходит слово «гордость». – Она сделала глоток кофе. – Может, начнем просто с ужина?

Я быстро вернулся в офис и припарковался за музыкальным автоматом, который Терк называл своей машиной. Она была марки «Транс-Ам», по крайней мере так было написано. Но это далеко не все, что было на ней написано, – каждая доступная поверхность автомата была покрыта какой-то наклейкой. На бампере красовались стикеры, провозглашающие каждую необдуманную политическую мысль, которая когда-либо посещала аполитичный разум Терка. Стикеры советовали поддерживать бывшего президента, его семью, свободное владение оружием, «ПроРодо», государственный национализм и сигналить, если возбужден. На заднем стекле были мультяшные персонажи, писающие друг на друга и на эмблемы других машин. Казалось, после взгляда на эту машину обиженными останутся все люди на планете. Это так похоже на Терка.

Когда я открыл дверь, в приемной никого не было. Я стоял, не выпуская дверную ручку, и прислушивался. Из мое-

го кабинета донеслось шарканье, а потом закрылся один из моих картотечных шкафов. Через секунду в дверном проеме образовался Терк. Он не сводил глаз с того, как я закрывал за собой дверь.

– Черт, ну наконец-то. Я целую вечность тут сижу. – Я не знал, была ли это тактика «нападение – лучшая защита» или его обычное состояние. – Бегущая Лошадь звонила. Сказала, что несколько охотников спрашивают про БЗР у реки Паудер рядом со 137-й, сектор 23. Они остановились в мотеле «Деревянная хижина». Хочешь с ними поговорить?

Я помолчал пару секунд.

– Что ты делал в моем кабинете?

Он был красивым парнем, в любовных романах его описали бы как «чертовски привлекательный». Смуглый, с волнистыми черными волосами и козлиной бородкой Ван Дайка, выводящей басков по материнской линии на первый план его внешности. Почти два метра ростом и с широкими плечами, он был мне полезен, когда скрещивал руки на груди и бросал грозные взгляды у меня за спиной во время разбирательств, но, помимо этого, я не знал, что с ним делать. Я взял его на работу в качестве одолжения Люциану. Ему он тоже не нравился, но Терк был его племянником, и я не мог иначе.

– Кое-что проверял.

– В моем кабинете? – Его лицо стало темнее обычного.

– Эй, однажды он может стать моим. – Терк бросил взгляд на маленький кабинет Вик без окна через коридор от моего.

На стенах ничего не висело. Там были лишь книги, шкафы и шкафы с книгами. Надо протянуть руку через синие папки уголовного судопроизводства Вайоминга на третьей полке рядом с дверью, чтобы включить свет.

– Терк, я не спал уже два дня, так что становлюсь нервным. Понимаешь, куда я клоню?

– Есть, сэр, – выпрямился он.

Так-то лучше.

– Так, если ты кое-что сделаешь в ближайшие несколько дней, я буду легче тебя выносить. И первое в этом списке – слушаться меня, как можно больше молчать и не ходить в мой кабинет. Ясно?

– Есть, сэр.

– Еще я хочу, чтобы ты заехал в «Пчелу» и спросил Дороти Колдуэлл, когда последний раз она видела Коди.

– Мне надо взять показания?

– Она не подозреваемая, – опустил я голову, – так что не надо так с ней обращаться, или она всадит тебе по первое число. Просто спроси, когда последний раз она видела Коди Притчарда, ладно?

– Есть, сэр.

– Хватит уже называть меня «сэр».

– Да я буду звать тебя, как скажешь, лишь бы ты нормально ко мне относился. – Я попытался сдержаться, но улыбка сама заиграла на лице. – Уверен, что мне не надо идти с тобой к охотникам?

Я вздохнул, пока Терк доставал маленький виниловый черный блокнот и карту штата.

– Я уже заходил к ним и записал номерные знаки – Мичиган, на них нет ни заявлений, ни ордеров. Уиллис сказал, их там четверо. – Терк на мгновение замолк. – Они будут вооружены.

– Значит, я надену оранжевый жилет перед тем, как пойти к ним. – Я протянул руку, вырвал страницу из его блокнота и взял карту. Ему не понравилось, что я забрал его улики, но он все равно прошел со мной к двери. Я показал на машину Вик. – Возьми эту.

– Нет, спасибо, моя уже разогрета.

Мы застыли у его машины.

– Я с гордостью могу сказать, что этот автомобиль не олицетворяет собой отдел шерифа округа Абсарока. – Наверное, я его обидел.

– Она разгоняется до двухсот шестидесяти.

– Я сомневаюсь, и даже если так, надеюсь, это происходит не в моем округе. И вообще, мне кажется, Дороти на такое не поведется. – Я кивнул в сторону офиса. – Ключи у двери с брелком «Филлис».

Чертов идиот. Терк сгорбился и поплелся назад, но остановился, чтобы спросить:

– Встретимся снова здесь?

– Конечно, поделимся данными.

До мотеля «Деревянная хижина» на 16-й улице, ведущей

в горы, было шесть кварталов. Это старая бревенчатая постройка, едва мерцающая красным неоном. Я припарковал Пулю и пошел поговорить с Уиллисом, который сообщил мне, что мичиганцы допоздна праздновали свою последнюю ночь в городе. Убийцы обычно так себя не ведут, но никогда не знаешь наверняка. Уиллис спросил, кто убил Коди Притчарда, и я спросил в ответ, почему все говорят как Джон Гарфилд каждый раз, как в городе кто-то умирает.

Охотники были в домиках 7 и 8, и я зашагал к ним вдоль следов шин Терка 50-й серии. Первоклассная детективная работа. Уверен, с усилителями двигателя его машина была в тысячу раз неприметнее. Между двумя домиками был припаркован новенький «Субурбан» с мичиганскими номерами. Поверить не могу, что Терк так просто сюда приперся. Я постучал в дверь ближайшего домика и услышал приглушенный стон. Я постучал еще раз.

– О боже...

Я постучал еще раз.

– Отдел шерифа. Пожалуйста, откройте дверь.

– Ренди, это не смешно... – Я прислонился к зеленому, блестящему дверному косяку и постучал снова. Через несколько секунд дверь открыл молодой человек в трусах и камуфляжной футболке.

– Ты хоть знаешь, который час?!

Он был низким и даже полноватым, со светло-русыми волосами и двухнедельной щетиной. До него быстро дошло,

что я не Ренди.

– Доброе утро, я шериф Лонгмайр и хотел бы с вами поговорить.

Сначала он не шевелился, и я прямо видел, как он судорожно пытался понять, что такого сделал, чтобы обрушить на себя такую беду. Именно эти несколько моментов вначале зачастую могут сказать обо всем, что нужно. Многие говорят о бегающих глазах, чесании носа и прочей ерунде, но на самом деле главное – чутье. Тихий голосок в голове просто говорит: «Да, это тот самый». Мой же голос воздержался от комментариев, и я понял, что этот парень – не убийца. В любом случае мне наверняка надо искать преступника, который действовал один. Я сказал парню, чтобы он надел штаны.

Я ждал у внедорожника и наблюдал за проезжающими машинами. С утра дул морозный ветерок, и я пожалел, что оставил пальто в Пуле. Дрожащие листья осин вокруг домиков и прилегающего участка были ярко-розовыми. Они упрямо выстояли небольшую снежную бурю накануне вечером и пытались пережить осень. Только несколько опавших листьев кружили по гравию в сторону переулка за мотелем. Этим утром ярко светило солнце, и все вокруг будто сияло.

Парень, в отличие от меня, надел куртку. Он закрыл дверь в домик, штора немного поднялась, а затем снова опустилась.

– Моим друзьям тоже выйти?

Я использовал свою самую заискивающую улыбку.

– Нет, думаю, вас будет достаточно. – Ему не понравился такой поворот событий. – Боюсь, вы не представились в ответ. Мистер?..

– Андерсон, Майк Андерсон. – Он ответил быстро, и имя совпадало с именем владельца автомобиля.

– Мистер Андерсон, вы не могли бы немного со мной пройти? – Я показал в сторону офиса Уиллиса, где стояла Пуля, а самое главное – лежало мое пальто. Он вздрогнул, и я догадался, что этот парень никогда не имел дело с полицейскими, не считая штрафов за парковку. Я решил начать издали. – Расскажите мне о прошлом вечере.

Майк прикусил губу и кивнул в знак согласия.

– Мне очень жаль насчет всего этого шума.

– Мгм, – это мычание было моим секретным оружием. Я мог выдать уклончивое «мгм» на любую фразу.

– Уиллис действительно говорил об этом... Но я здесь не поэтому. – Теперь парень казался испуганным. – Расскажите, где вы охотились за время вашего здесь пребывания.

Мы дошли до Пули, и я открыл дверь, достал пальто и надел его.

– Простите, с утра похолодало. Так где? И мне нужно ваше разрешение на охоту.

Майк не сводил глаза с машины – он окинул взглядом радио, радар и особенно «Ремингтон 870», прикрепленный к бардачку. Спустя мгновение он заговорил:

– Вам нужен номер?

– Да, было бы неплохо. – Я подождал. – Вы не помните цифры?

– Нет, но разрешения у меня в машине.

На обратном пути тон диалога стал немного спокойнее. Я прокомментировал погоду, и Майк ответил, что они с друзьями удивились вчерашней буре и тому, что дороги заледели от снега, сходящего с гор.

– Так вы охотились в горах?

– Да, сэр. – Он открыл свой «шевроле», порылся в центральной консоли, где я мельком увидел красную коробку «Федеральной амуниции». Через несколько секунд он достал четыре новеньких разрешения на охоту с луком.

Разрешения на охоту с луком. Я поджал губы и выдохнул.

– Так вы охотитесь с луком?

– Да, сэр. – Я проверил разрешения; все они были на горную охоту, 24, 166, 25. – Слушайте, нас в чем-то обвиняют? Мне нужно искать адвоката?

– Надеюсь, до этого не дойдет, мистер Андерсон. У кого-то из вас есть огнестрельное оружие?

– Нет.

Может, он просто нервничал.

– Точно?

– Да. Ну... – Момент истины. – У Ренди есть 38-й в бардачке.

– Он заряжен?

– Возможно.

– Вы в курсе, что заряженное, сокрытое в автомобиле оружие является мелким правонарушением в этом штате? – «Сокрытое в автомобиле» – так вообще говорят? Откуда я это взял? Я снова улыбнулся, чтобы парень понял, что я не считаю его Аль Капоне. – Давайте заключим с вами сделку? Я не стану проверять пистолет легендарного Ренди, чтобы посмотреть, заряжен ли он, а вы ответите на несколько моих вопросов.

Майку понравилась эта сделка. Я достал карту из кармана пальто, разложил ее и, с помощью Майка, прислонил к капоту. Он сказал, что они интересовались секторами 23 и 26, потому что отец Андерсона охотился там много лет назад и заявил, что олени у реки Паудер были намного больше, чем в горах. Отец Андерсона прав, но я не стал об этом говорить – в этих секторах стоит мое ранчо. Они приехали туда днем в пятницу, объехали реку Паудер и вернулись через Арваду, Клермонт и Кроссрудс.

– Вы съезжали с главной дороги?

– Э-э, три раза. Один раз, чтобы понаблюдать за антилопой на вершине холма после того маленького городка у главной дороги.

– Арвада.

– Второй раз у старого моста, который ведет на юг.

Это уже что-то.

– Старый Кингс-Бридж? – Лицо Майка выражало недо-

умение. – Эстакада из стальных балок, которая проходит через дорогу, со старой машиной на дальней стороне?

– Да, сэр. Теперь я вспомнил.

– Вы видели там что-нибудь или кого-нибудь? – Он замолчал. Придется говорить со всеми. Я хоть когда-нибудь посплю?

– Нет.

– Точно?

– Да, сэр.

– А вас кто-то видел?

– Нет. В смысле, мимо проезжали машины... – Майк о чем-то серьезно думал, но молчал.

– Но вы ни с кем не говорили?

– Нет.

– А что насчет третьей остановки? – Его лицо просияло. Видимо, он решил, что на сегодня он отстрелялся.

– Мы пообедали в баре где-то в тридцати километрах от дороги.

– «Рыжий пони»?

Андерсон показал на меня пальцем, и я начал догадываться, что он работает в сфере продаж.

– Точно.

Я спросил, что они ели, и он ответил, что чизбургеры. Я спросил, понравилось ли им, и Майк ответил, что они были неплохими.

– Просто неплохими?

– Да, сэр. А что? Это важно?

Поток ветра потрепал карту.

– Нет, просто хочу передать слова критики местному шефу, бармену и по совместительству посудомойщику. Вы обедали там на обратном пути из города? В какое примерно время это было?

– Около полудня, может в час. – Я достал ручку и сделал пометку на карте.

– Ваша фотография висит на стене. У бара, рядом с медалями, картами и всем прочим. Да? – Я продолжил писать. – Вы вместе служили на войне? С этим индейцем?

– Да, на войне, что начала все войны. – Кажется, он меня не понял.

– В смысле, еда была не такой уж плохой... – Теперь тон Андерсона был извиняющимся. Я мечтал поскорее рассказать все Генри. – Он долго ее нес, но, наверное, бар только открылся. Своих денег еда точно стоит. Индеец резал картошку прямо на баре, перед нами, и у меня был чизбургер с очень щедрой порцией халапеньо.

Я перестал писать.

Послышался грохот, когда кто-то попытался вытащить что-то вроде кастрюль и сковородок из одной из многочисленных коробок, выстроившихся вдоль кухонной стены. Я вдавил голову в подушку; почти четырнадцать часов сна, а состояние все равно дерьмовое. Хотя, похоже, за окном стоял погожий день. С моего ракурса почти с пола хорошо было видно ярко-голубое небо без единого облачка. Из кухни снова донеслись шум и свист. Если я не ошибся, это была Симфония номер один Прокофьева, и ее нещадно уродовали. Я кое-как принял наклонное сидячее положение и вытянул спину, позволив маленькой мышце, расположенной слева от моего позвоночника и чуть ниже, решить, какой у меня сегодня будет день. Прогноз был неплохим.

Я посмотрел сквозь непрозрачное пластиковое покрытие, которое все еще цеплялось за стеклянную дверь между спальней и кухней, поднялся на ноги и заковылял. Потом повернул стеклянную ручку, украденную почти десять лет назад из нашего арендованного дома в городе, и предстал перед великим шайенном, который был великолепен в своей старой майке вождей Канзас-Сити, а на спине красовалась надпись «ВАШЕ ИМЯ».

– Вообще-то тут люди спят.

– После четырнадцати часов объявляют клиническую

смерть. – Он открыл банку печенья на краю стойки из деревянной стружки и выкладывал его на старую форму для пирога.

– Ты ее помыл?

– А надо было? – замер он.

– Ну, почти на всех вещах тут мышинное дерьмо.

Его плечи поникли, пока он вытаскивал печенье и осматривал его с внутренней стороны.

– Как ты можешь так жить? – повернулся ко мне Генри. – Пожалуйста, надень какую-нибудь одежду.

Я ушел в спальню, снял халат с гвоздя в стене и неторопливо зашагал обратно на кухню.

Сел на табурет у стойки и налил кофе в чашку «Денвер Бронкос». Мне показалось, что этим днем моя работа – как можно сильнее раздражать Генри. Мне стало лучше.

– Что на бранч?

– Кроме мышинного дерьма? – Он кинул почти килограмм свиных сосисок в сковородку, которую я никогда раньше не видел. Я сделал глоток французского кофе – казалось, я только и делаю, что это пью. Кади прислала мне дорогой кофе в зернах из Филадельфии в закрывающихся пакетиках, но я даже не купил кофемолку.

– Игровой день – это традиция. Два раза в году нас втягивали в смертельную схватку Западного дивизиона АФК: «Бронкос» против «Чифс». День панкейков и Игровой день в одни выходные.

– Да, я знаю. Сегодня вам зададут жару.

– Ой, да конечно... – Я снова попробовал кофе; он был ничего. – Где ты достал кофемолку?

Он не обратил на меня внимания и продолжил осматривать старую банку из-под кофе, в которой хранилась моя немногочисленная утварь, поэтому я спросил:

– Лопаточка?

– Да.

Я посмотрел на разбросанные контейнеры у стены и на бесконечные ряды ящиков из-под пива. Было сложно, но он нашел сковородку.

– Коробка.

– Господи.

Сосиски начали шипеть. Генри подошел к коробкам и начал методично их осматривать, сверху вниз, слева направо.

– Уолт, нам надо кое-что обсудить. – Звучало зловеще. – Было время, когда такой образ жизни можно было объяснить: скорбящий вдовец отважно бороздит море депрессии и картона. Это поинтереснее, чем быть эксцентричным юристом, но теперь, Уолт, друг мой, ты просто разгильдяй.

Я притянул свою чашку с кофе чуть ближе и расправил халат.

– Очаровательный разгильдяй.

Генри проверил первый ряд и теперь двигался через коробки к черному ходу.

– Я рискую снова окунуть тебя в депрессию, но Марта

мертва уже четыре года.

– Три.

Он замер и прислонился лицом к двери, прижав другую руку к боку.

Сосиска лопнула, пустив мелкие брызги на фанерный пол. Я посмотрел на след от брызг; он был относительно небольшим, с несколькими зубчатыми краями из-за высоты траектории, маленькие лучи-усики тянулись к центру комнаты. Если объект, испускающий брызги, находится в движении, капли получатся овальными и будут иметь маленькие хвостики, выступающие в горизонтальном направлении, в котором двигалась капля. Когда верхняя часть капли приземляется последней, по брызгам на стене можно понять, был ли нападающий левшой или правшой. Я много знал о брызгах. Мне было интересно, как дела у Вик. Я посмотрел на нераспечатанный толстый конверт на моем кресле – секретный набор фотографий, иллюстрирующих предпоследнее место упокоения Коди Притчарда. Я так устал к тому моменту, как вернулся домой, что просто бросил их на кресло, не в силах сосредоточиться. Почерк Руби казался витиеватым и неуместным: «Фотографии с места происшествия, 29.09, 02:07».

– Четыре. – Генри не отводил глаз, а в его голосе слышалась усталая готовность к битве. – Уолт, пора жить дальше... В смысле, дети в колледже и те лучше живут.

Я не знал, что сказать; моя дочь была в колледже, а потом

в университете, и она жила лучше.

– Но у меня есть четырехэтапный план твоего возрождения.

Я еще отхлебнул кофе и уставился на пол.

– Он включает поиск женщины? – Генри достал лопатку из ближайшей коробки. Я посоветовал ее помыть, что он и сделал после того, как соорудил рожицу, а затем начал разбивать замороженное мясо в сковороде.

– Поиск женщины – это третий этап.

– Мне нравится твой план, но, думаю, надо сразу перейти к третьему этапу.

– Сначала надо дойти до состояния, в котором ты будешь достоин какой-нибудь женщины.

– Почему я чувствую, что остальные этапы мне не понравятся?

– Уолт, твоя жизнь – кавардак, твой дом – кавардак, и ты сам – кавардак. Пора нам прибраться. – Он оглядел мой дом. Уверен, это было ради драматического эффекта.

– Начнем с легкого. Это был хороший дом, когда ты только его построил, но то было пять лет назад. – Я думал, прошло четыре. – Надо сделать несколько желобов, чтобы сток перестал прорезать ров вокруг дома. Еще нужен отбеливатель, чтобы все вокруг перестало быть серым, а потом придется нанести на все защиту от ультрафиолета. Тебе нужно крыльцо, а еще лучше – веранда на заднем дворе...

Голова сильно разболелась.

– У меня нет на это времени, я уже не говорю об энергии.

Генри нашел открывашку и занялся несколькими маленькими баночками.

– Сейчас мы говорим не о времени, энергии и деньгах, это будет другой этап. Сейчас мы говорим о желании. У меня на примете есть два молодых человека...

– Ну нет. Я не пущу сюда краснокожих воришек в мое отсутствие.

Он подавился смехом, широко расставив руки, чтобы охватить все помещение.

– И что они могут здесь украсть? – В этом был смысл. – Эти ребята только открыли свою фирму, они хотят работать, мало берут, и они хороши. Я могу попросить их прийти сюда завтра в восемь.

Я оглядел комнату с ее голыми стенами, торчащими проводами и грязным полом и вздохнул.

– Ладно. А какой второй этап?

– Мы приведем тебя в форму.

Я сделал очередной глоток кофе; он уже начал остывать.

– О, меня уже не спасти.

– А ты думай о третьем этапе, – улыбнулся Генри. – Думай о нем, пока мы работаем над первым и вторым.

Он пихнул меня плечом, и я разлил немного кофе. Еще брызги. Генри повернулся и опрокинул маленькую банку зеленого перца чили в сковородку.

– Вряд ли весь этот план родился после твоих возможных

разговоров с Кади, Руби и Вик.

Он готовил мясо, и запах зеленого перца становился опьяняющим.

– Я говорю со многими людьми на многие темы.

– А почему ты не сказал мне о последнем обеде Коди Притчарда в «Пони»?

Генри прислонил лопаточку железной стороной к сковородке, чтобы она не расплавилась, и уперся бедром в стойку. Я слушал его дыхание и осознал, как сильно он постарел за последние двадцать лет или две секунды. Через полминуты он потянулся через стойку и твердой рукой налил мне еще кофе.

– Я не думал, что это важно. Вечером в пятницу ты убежал оттуда и ничего никому не сказал, и я знал, что мы сегодня увидимся. Нам было о чем поговорить и помимо этого. – Генри налил себе кофе и вернул чайник на место. Он посмотрел мне в глаза, чтобы разрядить обстановку. – Итак, шериф... двадцать восьмого сентября примерно в 18:02 вышеупомянутый некий Притчард, Коди, зашел в заведение под названием «Рыжий пони». Свидетели сего действия – господа Чарли Маленькая Лошадь, Клел Филлипс и допрашиваемый Генри Стоящий Медведь. На тот момент мистер Притчард был в состоянии сильного опьянения, из-за чего ему отказали в алкогольном напитке и подали один мексиканский чизбургер делюкс, картошку и колу. Двадцать пять минут спустя между мистером Притчардом и мистером Маленькой

Лошадью произошла словесная перепалка, в результате которой мистера Притчарда сопровождали к выходу и попросили удалиться. В последний раз, когда я видел Коди, он развернул свой сраный огромный фургон на моей парковке, раскидал повсюду гравий и направился на восток в самое лучшее место на земле. Ну что, запишешь все или пойдешь помоешься? – Генри глотнул кофе.

– Ты как будто защищаешься.

– Да ладно? Просто хочу сохранить свою репутацию и дать точный отчет. – Он улыбнулся немного натянуто. – Что-то еще?

– Нет, ты все рассказал. Наверное, мне надо помыться. – Я встал и прошел мимо него в ванную. По дороге я захватил чашку кофе, потому что тот начал мне нравиться. Я надеялся, что Генри что-нибудь скажет – хоть что-то, лишь бы я обернулся.

– Не пойми меня неправильно, Уолт, мне не нравился этот парень, но я не знаю ни одного человека, которому бы он нравился. Если ты ищешь подозреваемого, просто открой телефонную книгу. – Он наблюдал за шкворчащими сосисками. – Есть какие-то зацепки?

Я вздохнул и наклонился к холодильнику.

– Анализы показали высокое содержание пивоваренного ячменного солода, злаковых, хмеля и дрожжей...

– В народе это называют светлым нефильтрованным.

– Говяжий фарш, халапеньо и американский сыр.

– Мексиканский чизбургер. Что-то еще?

– Из лаборатории – все. Из баллистики сказали, что на теле нет никаких следов, а деформация при ударе о грудину значительно затрудняет идентификацию оружия.

Это сразу заинтересовало Генри.

– Гладкоствольный?

– Кто знает? – пожал я плечами. – Но если так, то поиск сужается до десяти метров.

– А значит, стрелял какой-то знакомый этого недоноска. – Он снова натянуто улыбнулся. – По крайней мере, тот подпустил его близко с ружьем.

Генри нагнул сковородку за ручку так, чтобы жир стек на ближайшую к нему сторону.

– Это должен быть хороший знакомый.

– Да.

– С ним никого не было, никаких следов?

– Нет.

– Ему было где прятаться?

Пришла моя очередь улыбаться.

– В городе Паудер за каждым деревом прячется красота... – Остальное мы сказали вместе: – Вот только там нет деревьев.

– Значит, возвращаемся к началу. Следы распыления?

– Нет. Как и пороха.

– Может, патроны?

– Ферг и его ребята ничего не нашли.

– Хм-м-м... – прокряхтел Генри. – Я воздержусь от комментария по поводу того факта, смогут ли Ферг и его ребята найти свою же задницу.

Он нахмурился в сковородку, налил скопившийся жир в мерный стаканчик, которым, видимо, распределял томатную пасту, и вылил большую часть содержимого.

– Метеорит?

– Чем больше людей я встречаю, тем сильнее убеждаюсь, что это могло быть деяние Бога, – улыбнулся я против воли.

– Не хотелось бы, чтобы Всевышнего за это наказали.

– Он отвечает даже за смерть маленького воробья.

– И даже тот был бы лучше погибшего, но разве не все должны чтить закон?

– Может быть. – Атмосфера стала легче, и я не мог упустить такой случай. – Кстати.

– М-м? – Генри посмотрел на меня, и его лицо выражало искреннюю заботу о друге, который практически обвинил его в препятствовании расследованию убийства. Я не хотел задавать этот вопрос, но не мог иначе. – Ты знаешь, о чем говорят в резервации?

– А что, ты переживаешь за голоса индейцев? – Он улыбнулся, чтобы я посмеялся его шутке, но мне было не до этого. – Что?

– Дело по изнасилованию Маленькой Птички...

– Мелиссы.

– Мелиссы. – Мне становилось все хуже. – Что о нем го-

ворят в резервации?

На лице Генри проступило раздражение, когда он откинул волосы назад, вытащил из заднего кармана джинсов маленькую полоску из кожи и собрал то, что вполне бы сошло за густой конский хвост.

– Там говорят, – выделил он эту фразу, чтобы мне стало еще более неловко, – что ты мог бы поработать и лучше.

– И в чем причина моей неудачи?

Генри повернулся и уставился вдаль – то есть в деревянную стену всего в двух метрах.

– Два года условного, два года досрочного.

– Там не считают, что к этому были причастны Верн Селби и присяжные?

– В резервации всем плевать на судью и присяжных, потому что никто из них не был... индейцем, а на тебя – не плевать. – Он замолчал. – Считай это серьезным комплиментом.

Медведь открыл пакетик на молнии с тертым сыром и протянул мне. Я взял немного и засыпал себе в рот. Сыр с перцем.

– В любом случае добрая часть этих людей никак тебе не поможет. Только один человек мог бы отпустить тебе все грехи, и с ним тяжело иметь дело... он прощает всех, кроме себя, и ничего не забывает. – Мы молча смотрели друг на друга, пока жевали. – Тебе надо помыться. Третий этап сказала, что придет сюда в два к началу игры.

Генри открыл духовку, чтобы проверить печенье. Запах

был восхитительным.

– Третий этап?

– Вонни Хайес изъявила желание участвовать сегодня в ритуале социального сближения. Я подумал, что к вечеру это может привести к более желанному ритуалу.

Я немного помолчал перед тем, как ответить.

– Я видел ее вчера утром. Она ничего не сказала.

– Похоже, женщины любят тебя удивлять. Наверное, потому, что это так просто.

Я окинул взглядом кипы книг, засохшую грязь на полу, стены и потолок.

– Вот черт...

Генри проследил за моим взглядом и покачал головой.

– Да, все очень плохо, но мы ей скажем, что у тебя ремонт. Фирма «Ред Роуд», те ребята, о которых я говорил, приедут завтра утром. – Он достал печенье из духовки и поставил его на одну из передних конфорок. – Иди помойся.

Я зашагал, но повернулся.

– А какой четвертый этап?

– Духовность, но этим займется другой человек.

Я включил воду в душе и, пока она нагревалась, осматривал свои пулевые ранения. У меня их было четыре: одно в левой руке, одно в правой ноге и два в груди. Я посмотрел на левую руку, так как это ранение было ближе всего. Оно было от 357-го с двумя мраморно-белыми точками по обе стороны. Та, что с внутренней стороны, имела четко очерченные

края и была размером примерно с десятицентовик. С другой стороны точка была размытой, с хвостом как у головастика, повернутым к локтю, и размером с долларовую монету. Вода уже нагрелась, поэтому я ступил под нее и схватил кусок овсяного мыла, который прислала мне Кади. Мне оно понравилось, потому что у него не было запаха. Я отпихнул медленно сжимающиеся занавески.

То был срано-коричневый «Олдс Дельта 88» с двумя покрышками и облупившимся верхом. Я видел, что там сидели детишки, и просто включил на секунду фары, чтобы они остановились. Но они сделали это далеко не сразу. Водитель распахнул дверь и поехал задом к моей прошлой машине; мне казалось, он взбесился, потому что я остановил его просто так. Я ошибся. Он взбесился, потому что они с другом ограбили винный магазин в Каспере и сбежали с 943\$, а я остановил их по дороге в Канаду.

Я намылился, ополоснулся и почувствовал себя так, будто сбросил старую кожу. Флакон с шампунем показался мне слишком легким, поэтому я сделал мысленную пометку купить еще. Таких невыполненных мной пометок хватит на целую книгу.

Насколько мы поняли, пуля срикошетила от окна машины и прошла через мою левую руку. Люди всегда спрашивают, на что это похоже, и я смог это сравнить только с раскаленной кочергой, которой тебе протыкают плоть. Жжет и чертовски больно, но только после. Я праздно размышлял,

сочтет ли Вонни эти пулевые ранения сексуальными. Марта не сочла; она их ненавидела. Красивая женщина в моем доме; женщина, которая оглядывала тебя с головы до ног, была уверена в себе и заинтересована. Мне стало тоскливо.

Я вытер зеркало, чтобы посмотреть в глаза Дориану Грею. То, что я там увидел, не прибавляло уверенности. Мои волосы – хоть мокрые, хоть сухие – обычно топорщились во все стороны. Какое-то время я с ними боролся, но потом решил, что мне повезло выбрать профессию, в которой шляпа смотрелась адекватно. У меня были большие, глубоко посаженные серые глаза – подарок от матери; и слишком широкий подбородок – подарок от отца. Чем старше я становился, тем больше считал, что походил на куклу из «Маппет-шоу». Кэди рьяно отрицала это определение, но она и сама боролась с теми же генетическими проблемами.

Я серьезно запаниковал, когда услышал смех, доносившийся через дальнюю часть гипсокартонной стены ванной комнаты и занавешенный дверной проем. До спальни было недалеко, где-то четыре шага, но вряд ли меня не заметят. Я обернул вокруг талии старую ткань в черную шотландскую клетку, надел поношенные мокасины из шкуры лося и шагнул в прохладный, свежий рассвет личного позора.

Как и всегда, она выглядела великолепно. Длинные пальцы обхватили одну из моих кружек «Денвер Бронкос» – старую, с белой лошадей, фыркающей в оранжевой букве «Д». На ней была простая бейсболка цвета хаки, где поверх

регулируемого ремешка сзади аккуратно струился конский хвост, падающий на серую толстовку с логотипом «ВАС-САР», далее синие джинсы и пара неоновых кроссовок. Она излучала здоровье, яркий интеллект и секс, хотя последнее, возможно, было моим личным мнением. Она сидела на моем раскладном табурете и смеялась, пока Генри тщетно пытался настроить прием на телевизоре.

– Ладно, я сдаюсь. Какого черта мне надо сотворить, чтобы эта штука нормально показывала?

Мы всегда смотрели игру в баре по спутниковому телевидению Генри, но сегодняшний день он решил провести с комфортом у меня дома. Генри стоял на коленях у телевизора, настраивая антенну с тем же изяществом, какое он продемонстрировал с блоком предохранителей два дня назад.

– Это и есть «нормально».

Генри повернулся, чтобы посмотреть, как привычные капли беспорядочно двигаются по экрану.

– Ты издеваешься?

Я пересек комнату и наклонился к стене.

– Вонни, добро пожаловать в поместье «Тайвек».

– Мне тоже надо было так прийти?

Генри был прав, придется что-то менять.

– Нет, это я просто так накинул. – Я перевел взгляд на великого шайенна. – Какой счет?

Он встал, уперев руки в бока, пока на экране два расплывчатых футбольных шлема столкнулись и разлетелись на мил-

лион осколков под торжественную музыку.

– Игра еще не началась. Мне кажется, или последнее время футбол все больше стал походить на реслинг?

Вонни сжала мою руку.

– Медведь сказал, что он не возражает против использования спортивными командами в качестве маскота символов коренных американцев.

Я обратил внимание, что он не поправил ее использование термина «коренные американцы».

– Я ничего не имею против коренных элементов. Если команда хочет использовать наши инструменты, чтобы вселить страх в сердца врагов, то кто я такой, чтобы им в этом отказывать?

И это говорит человек, который четыре года в Юго-Восточной Азии носил на шее амулет в виде лошадиной головы. Китайские разведывательные группы и монтаньяры считали, что тот был вырезан из грудины какого-то несчастного почившего полковника. Генри никак не опровергал эту теорию, и только мы с ним знали, что кость была из ноги старой дойной коровы его матери, которую им пришлось усыпить.

– Как там дела с обедом?

– Я тебе кто, горничная? – Он открыл духовку и заглянул внутрь. – Почти готов. Тебе как раз хватит времени, чтобы одеться.

Вонни так и не убрала руку до тех пор, пока я не зашагал в спальню.

– Не стоит утруждаться просто потому, что я здесь.

Я не остановился, чтобы она не видела, как краснеет мое лицо. Я оглядел спальню, и передо мной предстала вся моя жизнь. Края матраса были потертыми и грязными, а простыни – непривлекательного серого цвета. На полу рядом с кроватью стояла потрепанная лампа на гибкой ножке, рядом с «Ногой доктора Псабоди», уже давно открытой на семьдесят третьей странице. У дальней стены стояли вездесущие пивные коробки, а голые лампочки выставляли напоказ всю эту нищую убогость. Здесь словно проводились археологические раскопки. Я подумал о женщине в соседней комнате, и мне захотелось вылезти в окно. Вместо этого я подошел к ящику, который служил мне прикроватной тумбочкой, и нажал кнопку чуть ниже мигающей красной лампочки на автоответчике. Очевидно, я не слышал звонка.

– После сорока восьми часов серьезной баллистической экспертизы мы не продвинулись ни на хренов миллиметр. – Ее голос был резким и раздраженным, и я был рад, что между нами пять часов езды. – Соотношение материалов довольно странное: 30 к 1, свинец к олову. Но вот загвоздка. Там есть какое-то странное химическое вещество... Помнишь те безопасные пули «Глейзер»? ГСС? Если это они, то Коди не повезло.

Вот же черт.

– Можешь представить, чтобы кто-то отстреливал этого парня тефлоновыми пулями?

Нет.

— Вот и я тоже. — Последовала пауза. — В любом случае, я сделала здесь все, что могла, а пицца у Ларри отстойная. Так что завтра я буду дома. Вопросы есть?

Я уставился на телефон и покачал головой.

— Вот и хорошо. Завтра я беру выходной. Ты не против?

Я продолжил трясти головой.

— Отлично. — Пауза. — Возможно, мы все равно завтра увидимся.

Когда я зашел на кухню, Генри держал фотографии из конверта на расстоянии вытянутой руки.

— Тебе нужны новые очки или руки подлиннее?

— И то, и другое.

Вонни смотрела на телевизор и спрашивала его:

— Двадцать пять процентов бытовых убийств в год остаются нераскрытыми? — Она подвинулась на табуретке и улыбнулась мне.

Я налил себе еще кофе и протянул чайник ей. Она покачала головой и ждала ответа, уставившись на меня этими глазами.

— Не раскрывают около пяти тысяч дел. — Ее глаза распахнулись еще шире. — И где-то шестьдесят два процента убийств в США происходят с помощью огнестрельного, а значит, я и мои товарищи каждый год не находим каких-то там три тысячи сто убийц.

— Похоже, ребята по телику всегда всех ловят, а настоя-

щие копы не справляются с работой. – Генри опустил фотографии, и я заметил, что Вонни даже не пыталась смотреть на них.

– Лично я никогда не пропускаю «Облаву».

Вонни наклонила голову и сузила глаза.

– Это большая цифра. До тебя шерифом был Конналли, да? – Она ухмыльнулась и повернулась к входной двери.

– Ты знаешь Люциана?

– Да, давным-давно у меня были с ним некоторые несогласия. – Она рассмеялась, и ее волчий зуб сверкнул, как в рекламе зубной пасты. – Мы с подругами прихватили ирландский виски моего отца и потащились в открытый кинотеатр Дюрана.

Генри встрял в разговор:

– Кажется, я об этом слышал. Это не тогда вы со Сьюзан Миллер танцевали голыми на крыше 65-го «Мустанга» во время «Доктора Живаго»?

Вонни слегка покраснела вокруг горла.

– Я была юна и впечатлительна.

– Черт, я бы тоже впечатлился. – Генри сунул фотографии обратно в конверт и передал его мне. – Удачи.

Улыбка Вонни померкла.

– Ты не думаешь, что это был несчастный случай?

– Вообще-то нет. – Генри шагнул за мной и открыл холодильник, чтобы достать кувшин, который я ни разу не видел, наполненный темно-коричневой жидкостью со льдом,

лимонными и апельсиновыми дольками. Я бросил конверт обратно на стойку и уставился на него. – Я очень надеюсь на это, но улики указывают на обратное.

– Какие?

– Парня убили из оружия ближнего боя, а на той местности с таким невозможно подкрасться. Рискну предположить, что не так уж много людей охотится на оленей из двенадцатого калибра. И есть еще другие факты, которые просто не складываются.

Генри помешал содержимое кувшина.

– Пороховые ожоги.

Вонни улавливала суть, но мне показалось, надо объяснить детали.

– Когда ты стреляешь из дробовика на любом расстоянии... – Я замолчал и обдумал свой следующий вопрос. – Ты знаешь, что такое дробовик?

Она не отвела глаза, чтобы показать, что не обиделась.

– Мой отец раньше стрелял по тарелкам.

– Ясно. Ну, похоже, пуля была с нарезками для гладкоствольного ружья.

– С нарезками? Звучит противно.

– Так и есть. Такие пули превращают дробовики почти что в крупногабаритные винтовки с достаточной мощностью, чтобы пробивать блоки автомобильных двигателей.

– И зачем кому-то стрелять по человеку из такого оружия?

– Именно.

В груди у Генри заурчало, и я задумался обо всех людях, которые обрадовались, что мир избавился от Коди Притчарда.

— Коди не очень-то любили в... — я искоса на него взглянул, — индейском сообществе.

Вонни положила руку на стойку, чтобы привлечь внимание Генри.

— Теперь надо говорить не «индейцы», а «коренные американцы». Да, Медведь? — кивнула она в подтверждение своих слов.

Он поднял взгляд и задумчиво поджал губы.

— Точно. — Затем он едва заметно повернул голову ко мне. — Тебе надо больше разбираться в вопросах коренных американцев.

Сволочь.

— Проблема в том, что эти пули уменьшают и так короткий радиус стрельбы.

— Но разве ему выстрелили не в спину?

— Да, но все равно надо стоять близко.

— Может, он был пьян или спал?

— Определенно пьян. — Генри подошел к телевизору, чтобы всмотреться вдвигающиеся размытые пятна. Я уже и забыл об игре. — Даже с учетом осложнений из-за обширного повреждения тканей, скорее всего, он стоял прямо. И так как Генри последний подавал ему еду и видел его живым, я так понимаю, Коди был как минимум в состоянии вести машину

и ходить.

Вонни повернула свой табурет.

– Ты видел его последним?

Генри так и смотрел на экран телевизора со скрещенными руками.

– Не спрашивай, откуда я знаю, Уолт, но мне кажется, твоя команда выигрывает.

Вонни повернулась ко мне, а затем снова к Генри.

– Я сказала что-то не то, Медведь?

– Нет, все нормально... Давай просто сойдемся на том, что я видел мистера Притчарда живым предпоследним. – Он улыбнулся сам себе и снова подошел к стойке. – Кому сангрию?

Генри разлил напиток по трем стаканам и протянул каждому из нас.

– Как насчет тоста? – поднял он свой стакан. – За три тысячи сто человек, что сбежали от закона.

– Тяжела доля королей.

Я заглянул в большие карие глаза с вкраплениями цвета ириски.

– За «Доктора Живаго».

Игра была довольно скучной, и, насколько мы поняли, «Бронкос» выиграли двумя очками. К половине седьмого мы справились с запеканкой, и Генри ушел под предлогом проверить бар. К тому моменту я массировал ногу Вонни с противоположного табурета, а мягкое тепло сангрии проникало

в каждую расслабленную мышцу моего тела. Тогда был один из тех впечатляющих закатов Вайоминга, который, как все думают, бывает только на обложке журналов. Обжигающие волны маленьких костров плыли до самого горизонта, а чуть выше на небо наслаивались разнообразные пурпурные пятна.

– Так я его не обидела?

– Нет, гарантирую, дело не в этом. – Ногти на ее ногах были темно-коричневого цвета; этот цвет соответствовал сангрии, и, насколько я понял, Вонни регулярно красила ногти в Денвере.

– Наверное, ты знаешь его лучше всех?

Я задумался о том, что значит знать Генри Стоящего Медведя лучше всех, и понял, что этот факт открыл для меня много нового.

– Не знаю, можно ли так сказать. – Я снова задумался, но ей этого не хватило. – Около десяти лет назад мы были в Стерджисе, чтобы посмотреть это их ежегодное фиаско с мотоциклами. Они отчаянно просили о помощи, и полицейские не на службе могли хорошо там подзаработать. Я копил деньги на машину для Кади и решил, что лишняя тысяча мне не помешает. Генри никогда не был на таких мероприятиях, поэтому решил поехать со мной. И вот мы сидим в этой грязной дыре рядом с музеем мотоциклов на следующее утро, и я прошу Генри долбануть меня гаечным ключом, если мне в голову снова придет такая гениальная мысль. И

тогда один индеец...

– Коренной американец.

– ...один коренной американец подходит к нашему столу и просто стоит. Он такой огромный, как и Генри, и я быстро вспоминаю людей, которых закрывал за вождение в нетрезвом виде, публичное непристойное поведение, нападение при отягчающих обстоятельствах и нарушение правил пешеходного перехода за последние выходные. Я не могу его вспомнить, но чем дольше я смотрю на лицо того парня, тем больше понимаю, что уже где-то его видел. И в тот момент Генри перестает жевать бекон и спрашивает, все еще глядя в тарелку: «Как дела?» Я так и смотрю на этого парня, но не могу его вспомнить. Он хорош собой, может, лет тридцати, но, очевидно, многое повидал в жизни. И он говорит: «Хорошо. А у тебя?» Я поворачиваюсь к Генри, а он просто отвечает: «Не жалуюсь». Ты же знаешь, он никогда не лезет на рожон. Так вот, этот парень постоял еще минуту, достал сигарету и закурил. Потом он сказал: «А кто стал бы слушать?» И на этих словах он просто поворачивается и уходит. Я смотрю на него, и до меня доходит. У него походка точно как у Генри. Я поворачиваюсь к тому, начинаю что-то говорить, но Генри меня перебивает: «Сводный брат». Это все, что он сказал. Он не говорил о нем пятнадцать лет. И, насколько я знаю, ни разу не заговорил после.

– Они поссорились? – озадаченно спросила Вонни.

– А кто знает?

Я сжал ее ногу и откинулся назад.

— Вряд ли ты его обидела. Скорее всего, он просто не умеет разговаривать. — Она рассмеялась. — А еще, наверное, какая-то часть Генри жалеет, что это сделал не он.

— Ты шутишь?

Я слегка пожалел, что затронул эту тему, потому что ее трудно объяснить.

— Нет.

— Ты правда думаешь, что он способен на такое?

— Думаю, при особых обстоятельствах все способны на такое.

Вонни поменяла ноги, подобрав одну под себя, и на какое-то время задумалась.

— Наверное, я бы не смогла, но я и не видела всего того, что видел ты. — Она твердо посмотрела мне в глаза. — А у тебя есть частица, которая жалеет, что это сделал не ты?

Я ненадолго задумался, но Вонни меня подловила.

— Да, пожалуй, маленькая злобная часть меня правда жалеет об этом.

Я выглянул в окно и увидел, как большой тополь в конце дороги раскачивается на только что поднявшемся ветру. Пока было не очень холодно, но к концу ночи точно будет. Наверное, температура упала до десяти, и я видел иней на окнах, хотя его там и не было. Зима почти наступила, а я еще даже не осознал, что пришла осень.

Казалось, Вонни тоже была погружена в свои мысли, уста-

вившись на мои руки, обхватившие ее ногу; но пока я ее не отпускал, она не могла уйти.

– Ну, раз уж мы рассказываем свои самые страшные секреты...

Она зажала нижнюю губу между зубов, медленно выпустила и продолжила:

– Помнишь, пару лет назад Кади пыталась нас свести? – Я ждал. – Наверное, маленькая часть меня надеялась, что все получится. – Она замолчала. – Я говорю это, потому что не хочу тебя запутать.

У меня было плохое предчувствие, но я так и не отпустил ее ногу.

– Просто я не хочу спешить. Мои последние отношения не сложились, и мне кажется, по большей части из-за того, что я торопила события. – Ее глаза потухли, а лицо выражало грусть. – Мне казалось, что я хорошо его знала, но на самом деле я просто раскрашивала недостающее своими красками. – Ее взгляд снова сфокусировался на мне. – Я не могу поступить так с тобой, ты мне слишком нравишься.

– Спасибо. – Я так и не вернул ей ногу. – А что, если тебе не понравится, как я сплю с открытым ртом?

Мы оба рассмеялись.

– Я готова рискнуть.

Я шмыгнул и тоже закусил губу.

– Вонни...

Она спародировала Джин Тирни:

– Уолтер?

Мы снова рассмеялись.

– Пусть моя сногшибательная юная внешность тебя не обманывает. Мне больше не семнадцать, и ожидания у меня уже другие. – Я допил свою сангрию. – Я... – Я прокашлялся и продолжил: – У тебя хотя бы были отношения... – Я снова прокашлялся. – У меня не было никого со смерти Марты. Так что я точно хранил свою добродетель...

И, к моему несказанному шоку, из ее глаза по лицу показались слезинка, как вспышка молнии. Я подавил жжение в глазах и сжал ее ногу. Это была красивая нога, длинная и узкая, с пальцами почти как на руке. Аристократическая. Моя мама всегда говорила, что это признаки королевских особ; это, а еще то, что человек ест по одному кусочку за раз. Не знаю, как часто мама встречалась с королевскими особами, ела ли с ними за одним столом и рассматривала ли их ноги, но ее было тяжело переубедить. Это семейная черта.

Я поднял одну из своих мозолистых лап и провел мягкой частью тыльной стороны руки по ее щеке, размазывая морскую воду у линии ее волос. Она прерывисто всхлипнула, заправила выбившуюся прядь за ухо, а потом поймала мою руку и положила себе на колено. Вонни была не маленькой, но мою ладонь она могла накрыть только своими двумя. Она расставила мои пальцы, обернула их вокруг своей икры и закрепила там. Совсем как ребенок, довольный проделанной работой. Она отстранилась, растопырила пальцы, чтобы

оценить свою работу, и улыбнулась, борясь с сокращениями диафрагмы. Я хотел ее больше всего на свете. Но я сжал челюсть и просто смотрел. Этого было более чем достаточно.

Я вез ее домой сквозь туман, наползавший с Пайни-Крик, который отчаянно пытался пробиться в город, а я, в свою очередь, в Паудер. Один ручей начинался в верховьях дикой местности Бигхорн, на самой вершине Клауд-Пик, опускаясь на пару тысяч метров, чтобы пронестись мимо озера Десмет через долину Лоуэр-Пайни и повернуть налево у дома Вонни. Другой расправлял свои водяные конечности от реки Паудер на юг, расширяясь, словно река, на равнинах через Дюран до тех пор, пока не встречался со своим братом примерно в километре от моего дома. Последний снег таял в закатном тепле дня, но потом наступит ночь, и низко лежащий туман уже начал плыть по земле, как облака.

Я переключил передачу, поворачивая на Кроссрудс, и посмотрел в сторону «Рыжего пони». Свет горел, и я подумал о том, как мой друг терпеливо слушает очередную пьяную историю пьяницы о том, как тот напился. Вонни тихо простонала, а затем повернула голову поудобнее. Я положил руку ей на плечо, и она уютно устроилась под моим пальто из овечьей кожи, поджав ноги на пассажирском сиденье. Я слушал шуршание тепла через вентиляторы, гул большого шоссе и думал о случившемся.

Сначала она спорила, но сангрия и эмоции сильно ее утомили. Вонни оказалась на удивление легкой, а я оказался на

удивление умным и открыл дверь грузовика до того, как вынести ее. Я подумал, что она могла бы приехать на следующий день за своим маленьким красным джипом или прислать кого-нибудь.

Дорога до ее дома заняла около десяти минут, и за все это время я не встретил ни одной машины. Когда я въезжал в кованые железные ворота, у меня возникло ощущение, что я участвую в какой-то тайной операции. Меня удивили размеры ее дома, спрятанного на склоне холма в Португальском ущелье. Кади рассказала мне о нем – о крытом бассейне, винтовых лестницах, массивных каменных каминах и всевозможных скульптурах. Но дом выглядел не просто большим; он словно был довольно обычным, но потом геометрически разрастался по мере развития образа жизни Вонни. Немного поразмыслив, я задался вопросом, куда такой образ жизни может привести.

Я поставил Пулю у входной двери самой большой части. Загорелось несколько галогенных ламп, активируемых движением, но в других частях дома не было света. Я вылез из машины и подошел к входной двери; такая заумная электрическая система защиты дома стоит примерно четыре тысячи долларов, а дверь была не заперта. Она была большой, в испанском стиле, и с громким щелчком открыла передо мной просторную гостиную с многочисленными кожаными диванами. Я решил, что Вонни может поспать на одном из них. Я вернулся к машине, взял Вонни, осторожно протащил через

дверной проем и спустился по трем ступенькам, которые вели в просторную часть комнаты. Стены были покрыты штукатуркой, которая выглядела так, словно ее накладывали, а потом переделывали многочисленные старые мастера. Три арочных прохода вели в столовую на возвышении, откуда открывался вид на бассейн, а плитка в мексиканском стиле сияла блеском полированного красного дерева. На всех стенах висели картины, в основном абстракции, и я почувствовал себя так, словно на самом деле жил в одной из своих картонных коробок.

Я опустил ее на самый большой из диванов и положил ее голову на одну из подушек с индийским узором. Я растерялся и не знал, что делать дальше, — оставить записку или что-то в этом роде? Но потом решил, что будет достаточно и моего пальто. Я натянул этот неряшливый кошмар из овчины ей на подбородок и встал на колени, глядя на Вонни. Она действительно была удивительной женщиной, и на нее было приятно смотреть, даже несмотря на маленькие морщинки, которые теперь образовались на переносице; вероятно, ее смущал запах пальто. Я встал и попятился к двери, сожалея, что вечер закончился так быстро. В груди плескалось очень нежное чувство, и я не знал, как скоро снова смогу почувствовать то же самое. А потом я увидел его.

Он стоял примерно на полпути к столовой на возвышении, в арке слева, и смотрел на меня. Он не издал ни звука, когда мы подъехали, когда я открыл дверь, даже когда я при-

нес Вонни и положил ее на диван. Это меня и беспокоило. Здесь, в Португальском ущелье, среди тумана Пайни-Крик стояла собака Баскервильей. Вонни не говорила мне, что у нее есть пес. Наверное, он весил около семидесяти килограммов, большая часть веса приходилась на грудь и голову. Желтое отражение в его глазах на мгновение исчезло, а потом он медленно зашагал к краю лестницы. Чтобы получше тебя видеть, моя хорошая.

Он казался помесью немецкой овчарки, волка и определенно сенбернара. Морда и уши были темного цвета и отдавали красным, на груди красовалось белое пятно. Его правая губа приподнялась, чтобы освободить клык палеозойского периода, и пес зарычал так низко, что это было похоже на гром, прокатывающийся по долине. Я взглянул на Вонни, которая все еще крепко спала, и решил, что она точно проснется, когда услышит мой последний сдавленный крик. Должен признать, моя рука опустилась туда, где обычно висело оружие, но затем с досадой легла на невооруженную ногу. Пес не двинулся дальше, и я услышал, как мой напряженный голос выдал: «Хороший мальчик, хороший песик... Вот так».

Я боролся с желанием убежать, зная, что перед таким соблазном волки и шайенны просто не могут устоять. Пятясь к двери, я споткнулся на нижней ступеньке, и пес радостно покачал головой от такой возможности. Мы встретились взглядами, и, кажется, между нами возникло взаимопонимание. Он мог убить меня и съесть, но это еще не значит, что

я был вкусным. На подставке у двери лежал зонт и набор из трех клюшек для гольфа. Я подумал, что могу попытаться сдержать пса клюшкой, но тогда мне точно понадобится божественное вмешательство, потому что все знают, что на такие подвиги способен только Господь.

– Спокойно, песик, спокойно...

Он не двигался, просто смотрел. Я задом дошел до двери и медленно закрыл ее перед собой. На какой-то момент я подумал снова открыть дверь и запереть ее, но потом послал эту идею к черту. Кто бы ни решил влезть в этот дом, получит то, что заслуживает. Я тихо шагал по красно-сланцевому гравию, когда снова зажглись галогенные лампы. Этот дом был похож на какую-то бесконечную дискотеку. Я развернул машину и направился к воротам, через которые приехал. Я бездумно переключал радио, внезапно почувствовав желание услышать голоса, на которые мне необязательно отвечать. А потом мне пришла в голову ужасная мысль. Я включил микрофон.

– Отдел шерифа округа Абсарока, группа один, база, прием.

У него был сонный голос. Я его не винил – я тоже был бы сонным.

– Господи, да. Это база, да, говори.

– Ты в порядке? – подавил я смешок.

Помехи.

– Да, в порядке, а ты?

– Да... тоже. – Я посмотрел в лобовое стекло, чтобы проложить себе путь через туман. – Поговорим с утра.

– Вас понял. – И на этом он пропал.

И я действительно был в порядке. Я представлял себе несколько иной вечер. Но если честно, мне было спокойнее. Непредсказуемые ожидания моего первого свидания за четыре, а даже не за три года, выбили меня из колеи. Когда я свернул на Кроссрудс, свет в баре уже не горел, и я был рад, что там никто не делится военными историями. Пришло время возвращаться в мою маленькую хижину с голыми стенами, фанерными полами и не защищенными от ультрафиолета бревнами. Генри был прав. Пришло время что-то менять.

Когда я приехал домой, на автоответчике снова мигал красный огонек, поэтому я нажал на кнопку.

– Привет, пап...

– Ты не умираешь.

– А тебе откуда знать? Ты никогда не умирал. – Я вдавил позвоночник в углубление столба с отметкой километра и перенес весь свой вес на его зеленую поверхность.

– Я умирал много раз.

– Вот черт.

– Вставай.

Я дернул пучок травы с дороги из красного сланца, и она вырвалась целым стеблем с корнями. Они тоже были холодными. Иней цеплялся за каждую поверхность растения, окутывая его, как тысячелетний янтарь – тех стрекоз в старых музеях. Если мы будем заниматься этим каждое второе утро, придется купить перчатки. Я поднял голову и посмотрел на Генри, который встал перед восходящим солнцем, словно какой-нибудь летчик-истребитель перед смертельной миссией. Он пихнул меня ногой.

– Вставай.

Я сильно замахнулся на его ноги, но Генри проворно отпрыгнул в сторону, ловко балансируя на мысках, а потом снова встал на полную стопу. Сухожилия и вены торчали на его голых лодыжках, как у лысой кошки, и я отвернулся, похолодев еще больше от одного вида его ног без носков. Он вернулся и пихнул меня той же ногой, когда я снова уселся

перед столбом.

– Если не перестанешь меня пихать, то правда узнаешь, что значит умирать.

– Этого я о тебе не знал – ты раздражительный по утрам.

Генри вглядывался в легкие дуновения ветра, шелестящие сухими листьями, что так и не ослабили хватку на тополях вдоль Пайни. На открытом небе, окутанном серыми полосами, нарисованными по лавандовым и кремовым краям, словно волны, отступающие от высокого берега, над вершинами холмов только начинало подниматься солнце. Я не умру, так что мне стало немного лучше.

– Почему ты улыбаешься?

– Отстань, я наслаждаюсь моментом.

– Да уж, такое нельзя прерывать, – уставился на меня Генри.

Я кинул в него сланец и промахнулся на добрых пару метров.

– У тебя вот несколько жизней, а я наслаждаюсь моментами.

– А вчера ты насладился моментом? – проворчал он.

– Да, можно сказать и так. – Я ненадолго задумался. – Скорее, насладился правдой.

Генри закивал.

– Хорошо, такое случается реже. – Он поморщился, растягивая сухожилия на правой ноге; может, он все же не железный. – Значит, она оставила джип?

– Ага.

– И ты отвез ее домой?

– Ага.

Генри потянулся еще минуту, прислонился к столбу с отметками, у которого я сидел, и вздохнул.

– Ладно...

– Что «ладно»?

– Нам необязательно об этом говорить.

– Но мы уже говорим.

– Нет, я говорю, а ты повторяешь «ага».

Я изобразил отстраненную улыбку и перевел взгляд на холмы в долине.

– Ага...

Генри снова меня пихнул.

По дороге ехал потрепанный черно-бордовый дизель в три четверти тонны с роликовым устройством и надписью «РАНЧО МАККЕЙ»; он замедлился, подъезжая к мосту, и остановился возле нас. Клел Филлипс был главным водителем Билла Маккея и, наверное, гадал, почему индеец стоит у дороги возле шерифа, который валяется рядом с канавой. Клел опустил стекло грузовика и уперся плечом в дверь.

– Привет.

Он налил кофе из старого термоса и предложил его Генри, от чего тот вежливо отказался, а потом мне, и тогда я решил насладиться не моментом, а дымящимся стаканчиком растворимого. Мои ноги просто убивали меня.

– Привет.

Кофе был хорошим на вкус, и другой рукой я оттянул мокрые треники между ног. Клел налил кофе уже себе.

– Чем вы тут занимаетесь?

– Бегаем.

Клел внимательно оглядел дорогу.

– От чего? – Он сделал еще один глоток. – Кстати, шериф...

У него ко мне дело. Я никогда не перестану восхищаться тем, как ковбои ведут дела. Они как животные, постоянно заглядывают тебе в глаза, чтобы понять, грозит ли им какая-то опасность. Это лучшая часть характера ковбоев – этакая животно-хозяйская. Они ночами не спали, оставаясь в замерзших сараях, стараясь успокоить и утешить будущих матерей. Жизнь коров зависела от ковбоев, а жизнь ковбоев зависела от коров. Это нелегкая жизнь, но в ней есть свои преимущества.

– У меня небольшие проблемы с Джеффом Троем.

– Какие проблемы?

– Помнишь тот участок земли между его домом и Маккея? Так вот, он пускал туда охотников на птиц, и теперь мы не можем определить, где заканчивается территория Троя и начинается наша.

Сбежавшие из местных птицефабрик и от неудачливых охотников фазаны, куропатки и кеклики заполняли всю долину. У нас лучшее место для охоты на птиц в штате, и время

от времени об этом узнавали чужаки. Я не охотился со времен Вьетнама; почему-то после войны это перестало приносить удовольствие. К тому времени, как я начал прислушиваться, Клел уже заканчивал свою сагу:

– ...и Билл сказал, что пульнет в них солью за такое.

– Ну... – Генри уже подпрыгивал на месте, но я ненадолго замолчал, собираясь с мыслями. Как шериф я был против того, чтобы люди стреляли друг в друга, а Билл Маккей был как раз той сволочью, которая будет с радостью стрелять солью в охотников просто ради мести. – У Билла висят предупреждения на заборе?

Клелу это совсем не понравилось – еще одно задание в его и так огромном списке дел.

– Нет, у нас не висят знаки. Я думал, самого забора и так достаточно.

– Видимо, нет. – Закон штата обязывал граждан ограждать свою территорию забором, если они не хотели видеть там посторонних, но, судя по всему, двуногим этого было мало. – Зайди в «Шиптон», возьми там желтые металлические знаки «Охота запрещена» и прикрепи их к забору.

– И что потом?

– Позвони мне.

Клел обдумал это предложение.

– Шериф Конналли разрешил бы нам их подстрелить. Я потянулся и забрал у него кофе.

– Да, Люциан, наверное, и сам бы так сделал, но темным

временам пришел конец. — Я осушил его стаканчик и протянул обратно. — Разве это не здорово?

Я оттолкнулся от грузовика и небрежно обрушил все свои 102 килограмма, плечом вперед, на грудь Генри, выбивая воздух из его легких и сваливая в морозную траву. Я повернулся, улыбнулся и помахал Клелу, а потом срезал за его грузовиком и побежал, спасая свою жизнь. Мимо границы округа, сотня метров до моей подъездной дорожки, а потом еще сотня до домика. Слишком много. Я начал прислушиваться к ритму своего дыхания, напрягая каждую мышцу, которых у меня не было. Может, именно этого мне и не хватало каждое утро — бегства от того, кто хочет меня убить. Это легко можно устроить. Не первый раз какой-то белый в этой части страны оказывался в подобной ситуации. Видимо, Генри упал дальше, чем я полагал, потому что скрежет его ботинок о сланец на обочине дороги только теперь стал различимым.

Берегитесь, Стоящий Медведь приближается.

Кровь стучала в моей голове, а ноги ощущались так, будто я оставил их на ночь на улице. А что еще хуже, липкие спортивные штаны теперь собирались в заднице. Я задумался, сталкивалась ли Седьмая кавалерия с той же проблемой, пока бежал изо всех сил и прислушивался к нарастающим шлепкам его мягких кроссовок. Я подумал о том, чтобы вернуться ему навстречу, но звук, казалось, все еще доносился издалека, поэтому я решил играть до конца.

На моей подъездной дорожке светило солнце, и я побежал

осторожнее, чтобы не поскользнуться на тающем льду, когда срезал угол к финишной прямой. Стихающий ветер приподнял сухие листья в знак приветствия, когда я пробежал мимо, и я даже начал думать, что справлюсь. Зря. Это было просто – всего лишь небольшой толчок, и моя левая нога оказалась перед правой как раз перед тем, как мы добежали до моего великого оросительного канала. Результат был фатальным – моя и без того тяжелая инерция унесла меня в единственную полупустую канаву.

К тому моменту, как я добрался до хижины, Генри стоял с двумя молодыми людьми у юго-восточного угла дома, примерно в трех метрах от передней бревенчатой стены. Одним из них был парень с резкими чертами лица, которого я недавно видел в баре. Я прошел мимо полутонны 69 года на моей подъездной дорожке и взглянул на самодельную надпись на двери. Надеюсь, ремонт они делают лучше, чем рисуют.

– Если вы сделаете крыльцо на три метра, то крышу можно свесить на четыре. – Генри повернулся ко мне. – Пусть крыльцо идет по всей передней части дома.

– Крыльцо? – Ребята окинули меня взглядом, но, видимо, решили, что я каждый день хожу весь в грязи.

– Да, большинство людей строят что-то вокруг своих домов, чтобы проводить время на улице. – Генри скрестил руки и посмотрел на меня. – Чарли Маленькая Лошадь, Дэнни Претти, это шериф Уолтер Лонгмайр.

Претти был из кроу, так что за дело взялись два племени.

– Сколько это будет стоить? – Мне хотелось побыстрее со всем разобраться; мои штаны уже начали затвердевать.

– Хорошо, что вы задали этот вопрос, потому что мы хотим разобраться с финансами сразу. Тогда потом не возникнет никаких вопросов. – Он посмотрел на фасад и представил крыльцо, которое станет первым шагом к благоустройству дома за последние годы. – Если брать простой материал, получится где-то полторы тысячи, не считая креплений. Плюс работа. – Мы с Чарли Маленькой Лошадью явно поладим.

После душа с мылом вместо шампуня я прошел мимо ребят к Пуле. Они уже закрепили стойки и протянули веревки, чтобы обрисовать будущую конструкцию, а Чарли Маленькая Лошадь снимал верхний слой замерзшей почвы ломом. Он остановился и улыбнулся, когда я осторожно переступил через ярко-зеленую бечевку.

– Вы правда шериф? – склонил он голову набок.

Я опустил глаза на форменную рубашку и распахнул пальто, чтобы показать значок.

– Да, по крайней мере до выборов. – Я сунул руки в карманы. – Не против, если я кое-что спрошу?

– Вы же шериф, – улыбнулся он.

– Насколько я понимаю, у вас с Коди Притчардом произошла ссора?

– С кем? – перевел он взгляд на лом.

Я на секунду замер.

– С Коди Притчардом, парнем, которого мы нашли у моста Хадсон в пятницу.

– А, с ним...

– Да, с ним. Вы повздорили с ним в баре?

– Да.

– Из-за чего?

Чарли взял лом поудобнее.

– Ему не нравились индейцы.

– И как ты это понял?

– Как и всегда. – Чарли начал ковырять землю. – Он сидел там и кидал на меня недовольные взгляды до тех пор, пока не собрался с духом.

– Он что-то сказал?

– Да.

– Что?

– Да обычную хрень.

– И ты что-то ответил?

– Да.

– Что?

– Да обычную хрень, – ухмыльнулся он, обнажая плохие зубы.

Так странно, что в моем доме кто-то работал. Странно уже то, что там вообще кто-то был. Я взглянул на красный джип и решил позвонить Вонни чуть позже.

Это был один из тех идеальных дней на высокогорных равнинах, когда небо мерцает бесконечно-голубым, глядя на

землю, и приходится напоминать себе смотреть наверх. Все повторно собранное с полей было аккуратно уложено и накрыто брезентом, и идеально круглые тени тюков сюрреалистично простирались до Клиз-Крик, словно скошенное поле на праздник урожая. По дороге в Дюран мне не встретились ни одна машина. Было чуть больше восьми, когда я добрался до офиса, и Руби наклеила уже пять стикеров на дверной косяк моего кабинета. Я сразу заметил их, когда подошел к двери.

– Сегодня уже день пяти стикеров?

– Вик приходила.

– Я думал, ее сегодня не будет, – присел я на край ее стола.

– Так и есть, она принесла кое-что тебе. – Руби подняла взгляд и тут же прикрыла рот рукой. – Что с твоим лицом?

Я и не думал, что так сильно поцарапался, но в канаве были перекасти-поле.

– Долгая история. Терк поехал обратно в Паудер?

– После того как продумал новый дизайн кабинета, когда станет шерифом в следующем году.

Я закатил глаза, встал с ее стола и пошел к себе в кабинет, срывая желтые стикеры по дороге. Руби разработала эту систему, чтобы я не забывал все то, что обязан делать в течение рабочего дня. На моем столе лежал конверт из Федерально-го бюро расследований, отправленный через «ФедЭкс». Я до сих пор радовался как мальчишка, когда получал какие-то материалы из Бюро, и говорил себе, что работаю с большими

людьми: с моим «другом по переписке», Эллиотом Нессом. Видимо, Вик принесла конверт. Она вот терпеть не могла федералов и считала их тупицами с научными степенями. Я разорвал нейлоновую ленту и вытащил завернутый, словно мумия, контейнер, кинув конверт обратно на стол. Отдел общего химического анализа, файл номер 95 A-HQ 7 777 777. Черт, со всеми этими семерками нам просто не могло не повезти. Так и было. Лаборатория ФБР заявляла, что непонятное химическое соединение в баллистических образцах было идентифицировано как смазка для пуль или «Черное золото Лаймана».

Твою мать, это сокращает круг поиска. Значит, тот, кто застрелил Коди Притчарда, использовал дробовик с черным порохом. Хотя в этом не было смысла. Я даже не знал, что такими пулями можно стрелять из старых дробовиков так, чтобы они не отдавали в лицо. И зачем стрелять из старого дробовика? По меньшей мере тринадцать американских фирм производили мушкеты с черным порохом, винтовки, пистолеты и дробовики, включая кремневые и ударные оружия чисто из ностальгии. Некоторые все еще охотятся с дульнозарядниками, но черный порох чаще встречается на праздниках пионеров, традиционных стрельбах по индюшкам и на реконструкциях Гражданской войны. У такого оружия есть старые недостатки: медленная перезарядка, неудобные боеприпасы и много дыма. С другой стороны, поскольку они сертифицированный антиквариат, их продажа и владение,

как правило, не регулируются законодательством об огнестрельном оружии. Две стороны медали, и ни одна не помогает. У кого могут быть антикварные дробовики в этой части страны? Ответ пришел сразу: у всех. Даже у меня был старый двустольный Паркер, принадлежавший деду, и старая тренировочная Итака 10-го калибра. Ладно, круг не сузился. Я поднял взгляд и увидел, как Руби прислонилась к дверному косяку.

– Да?

– Просто хотела увидеть твою реакцию.

– На это? – поднял я письмо.

– На то, что ниже, – улыбнулась она.

Я отодвинул конверт и взял то, что было похоже на спортивные штаны. На них было напечатано синими буквами: «СПОРТИВНЫЙ ОТДЕЛ ЧАГВОТЕР XXXXL». Чагвотер – это городок на полпути к шайеннам, известный за свои острые орешки и «Хижину Гувера», магазин у заправки. Я поднял штаны, чтобы рассмотреть повнимательнее.

– Они в три раза меня больше.

– Может, она купила тебе на вырост.

– Все такие умные. – Я кинул штаны на стул. – Как думаешь, сможешь найти Омара?

– Сейчас сезон охоты.

– Я знаю.

Ее плечи немного поникли.

– Я бы ответила «да», если бы мы владели данными ин-

фракрасного сканирования.

Я принял сидячее положение, чтобы дать отдохнуть больным ногам.

– Я имел в виду, можешь ли ты позвонить и разузнать, в городе он или в Сафари?

– Конечно, но ничего не обещаю. – Руби уже зашагала к себе без прощального кивка. – Прочти стикеры, тебя ждет тяжелый день.

Я отбросил письмо от ФБР и взял небольшую стопку записок. Первая гласила об автомобильной инспекции на Свейбек-роуд, к югу от города. Никто ее не провел, потому что для этого надо делать тридцатикилометровую петлю туда, где больше ничего не было. И как мне защищать Готэм, если я в какой-то дыре буду проверять идентификационные номера? Следующая записка была от Кайла Страуба, окружного прокурора; наверное, он хотел знать, почему я открыл место преступления, не посоветовавшись с ним. Следующая была от Верна Селби, судьи окружного суда, о судебном разбирательстве в среду, а еще от Эрни Брауна, Местного жителя, который просил показания по делу «Дюран Курант». Последняя записка просто гласила: «ЗА РЕШЕТКОЙ ЧЕЛОВЕК». Черт.

– Кто там? – крикнул я Руби вслед.

– Жюль Белден.

Отстой.

– Нападение или пьяный дебош?

– И то, и то, а еще нападение на полицейского. У меня тут рапорт.

Я встал, вышел из кабинета и снова сел на ее стол. Не успел я усесться, как документ был уже у меня под носом. Я быстро пробежался по нему взглядом, бесясь из-за детских каракулей Терка, и сунул бумажку под мышку.

– Его кто-то кормил?

– Нет, насколько я знаю.

– Можешь забежать в «Пчелу» и купить ему что-нибудь?

– А ты можешь закончить эти рапорты?

– Сейчас вернусь, – встал я.

– Я сообщу прессе.

Пока я шагал через заднюю дверь, то размышлял о нашей маленькой гостинице за всеми кабинетами – две камеры заключения наверху и обычная клетка внизу. Не все знают разницу между клеткой и тюрьмой. Клетки бывают в округах и муниципалитетах, а тюрьмы – это государственные учреждения. В клетку сажают два типа жильцов: тех, кто ожидает суда как за тяжкие, так и за мелкие преступления, и тех, кому дали срок не более года. В тюрьмы же сажают только тех, кого приговорили к заключению на год и больше. Следовательно, на мой взгляд, главная разница между мелким и тяжким преступлением заключается в том, что ты либо сидишь с полицейскими и ешь стряпню Дороти, либо делишь комнату три на три с каким-то подонком у черта на рогах.

Минус человека в клетке был в том, что мы должны бы-

ли предоставлять еду три раза в день. Плюс же заключался в том, что «Занятая пчела» была всего в сотне метров – мимо отеля «Оуэн Вистер», парикмахерской, вниз по старым ступенькам за зданием суда. Трудно было только по воскресеньям, когда Дороти закрывалась, и нам приходилось прибегать к разнообразному выбору пирогов из нашей морозилки.

Я зашел за здание, глянул в окна суда и понадеялся, что ни Кайл Страуб, ни Верн Селби меня не увидят. Их машины стояли на стоянке, и я сделал мысленную пометку разобраться с этими главарями чуть позже, может, даже очаровать их личным визитом. К тому времени, как я прошел мимо парикмахерской, мысль о булочках в соусе значительно ускорила мой унылый шаг. «Пчела» располагалась рядом с мостом вдоль Клир-Крик и винтажно наклонялась в сторону воды. Колокольчик на двери возвестил о моем появлении, и на меня посмотрела пара охотников – все незнакомцы. Я сел на один из крайних табуретов у кассы и взял газету. Там была фотография Ферга и поискового отряда, которые стояли у моста Хадсон, ели пончики и пили кофе. Я был рад, что «Курант» уловил дух этого дня. Над фотографией средним шрифтом был заголовок: «МЕСТНЫЙ ПАРЕНЬ ПОГИБ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИНЦИДЕНТА СО СТРЕЛЬБОЙ». Инцидент, какое хорошее слово; по крайней мере, никто в городе не будет говорить про гангстерские разборки. Пожалуй, я должен Эрни Брауну чашку чая и интервью. Я снова сложил газету и положил на стойку, чтобы почитать, и пере-

до мной возникла чашка с дымящимся кофе.

– Оттуда вырвали анекдоты.

– Обычно для меня вся газета – анекдот.

Похоже, в этой стране полно красивых пожилых женщин, хоть старики и издевались над женщинами и лошадьми. Дороти Колдуэлл было около шестидесяти пяти, насколько я мог судить, и она управляла «Пчелой» с тех пор, как я себя помнил. Заведение получило свое название из-за известной любви Дороти к императорскому знаку Наполеона и впечатляющей коллекции пчел, появившейся в результате этой самой любви; эта коллекция покоилась на полках над разделочной доской. Там были деревянные пчелы, керамические пчелы, чучела пчел, стеклянные пчелы, все, что только можно было представить. Весь наш маленький город считал своей миссией снабдить Дороти пчелами со всех уголков земного шара, и я с радостью отметил маленькую фарфоровую пчелку с краю, которая проделала долгий путь из Токио через Вьетнам. Название было также связано с тем фактом, что Дороти знала каждую сплетню во всем округе. Если мне нужно было знать, какого черта творится вокруг, я говорил с ней. Черт, она, наверное, знала, кто убил Коди Притчарда. Поэтому я с ходу спросил:

– Кто убил Коди Притчарда?

– А не Кока Робина?

– А он тоже пропал?

Дороти положила руки на стойку и наклонилась ко мне.

– Меня уже второй раз за неделю об этом спрашивают. Я что, подозреваемая?

Я закусил губу и задумался.

– Так же, как и все остальные.

– Хорошо. А то здесь стало так скучно, мне нравится эта опасная тайна. – Она взглянула на мою подмышку; это не первый рапорт, который я захватил в «Пчелу». – Кто это?

– Жюль Белден.

– О боже, – вздохнула она и подняла взгляд. – Тебе как обычно?

– Даже я не знал, что ем одно и то же.

– Все едят.

– Тогда мне как обычно.

Я сделал глоток кофе, положил папку на стойку и начал читать газету.

– В холодный, серый рассвет двадцать девятого сентября... – Диккенс. – ...Скользкий берег, где жизнь Коди Притчарда так позорно оборвалась... – Фолкнер. – Общество задается простым вопросом: почему? – Стейнбек. – Мертв. – Хемингуэй.

Эрни изучал литературу в Университете Вайоминга, а в 1951 году устроился на работу одиноким сотрудником и главным редактором «Дюран Куранта». У меня были две любимые части газеты: «Местный житель» на редакционной полосе, которым был тот же Эрни; и «Обзор» – вклад Руби в четвертую власть. Там расшифровывались полицейские от-

четы в довольно сюрреалистическом стиле. В результате чего появлялись такие заявления, как «Сообщается, что на Кроу-стрит нашли свинью, туда отправился полицейский. Свинью не нашли». Я считал эти заметки своей ежедневной медитацией.

Поверх газеты появилась тарелка с булочками под острым соусом с сосисками, рядом с ними быстро возникли столовые приборы, завернутые в салфетку. Как обычно. Дороти потянулась к кофейнику и налила мне новую порцию.

– Как я полагаю, виновный – Жюль Белден.

– Только если обвинение – алкогольное отравление. – Я отрезал кусочек булочки, с которой капал соус настолько же густой, как обойный клей. Только здесь во всем штате можно заказать соус с сосисками, и он будет вкусным.

По папке постучал покрашенный ноготь.

– Не против?

– Нет, давай.

Дороти открыла папку и начала читать рапорт Терка. Спустя несколько мгновений:

– Что этот паршивец имеет в виду под?..

– Не надо... Я еще не читал. Не говори, чем все закончилось. – Она облокотилась на столешницу и уперлась подбородком в кулаки, холодные карие глаза смотрели на меня не отрываясь. – Что?.. Я слишком громко жую? Что?

– Просто смотрю, как ты ешь.

– Зачем?

– Тебе так нравится моя еда. Это видно.

– Да, слишком видно, – погладил я живот.

– Да ладно, Уолт. За тобой теперь бегают все женщины в городе. Представь, что было бы, будь ты еще и красавчик.

Какое-то время я молча жевал.

– Ладно, я даже не знаю, на какую часть этой фразы мне обижаться сначала.

Мы немного помолчали.

– Я слышала, что теперь за тобой бегают Вонни Хайес.

Я поднял голову и увидел хитрый блеск в глазах напротив.

– Вообще-то я тут завтракаю.

– Ой, простите. – Дороти ушла в притворном негодовании наливать кофе охотникам, а я покачал головой, поражаясь, с какой скоростью в этой чертовой дыре разлетаются новости. Я развернул папку к себе и начал расшифровывать каракули Терка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.